

НОВАЯ ПОЛЬША 4/2006

Содержание

1. МУДРЕЦ, ОБРАЩЕННЫЙ К СОЛНЦУ
2. ПАМЯТИ СТАНИСЛАВА ЛЕМА
3. ГОЛОСА ИЗ СЕТИ
4. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
5. СТИХОТВОРЕНИЯ
6. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, ЧТО ОСТАЕТСЯ
7. ОКНО НА ТУ СТОРОНУ
8. ПАМЯТИ ЧЕСЛАВА МИЛОША
9. ВСТРЕЧИ С АЙГИ
10. ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ
11. ТВОЙ ДОМ — ТЮРЬМА!
12. ПОЛЯКИ КАЗАХСТАНА
13. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
14. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Александр Бондарев

МУДРЕЦ, ОБРАЩЕННЫЙ К СОЛНЦУ

*Solaris (лат.) — солнечный;
обращенный к Солнцу*

И смерть пребудет
бессильна.

На ветру, под знаком
белой Луны,

Встанут мертвые, чтобы
— быть среди нас.

Пусть наги они, пусть их
кости — прах,

Но сиянье звезд в них
узрит любой,

Сойдут с ума — но их
разум здрав,

Океан их поглотит —
встанут со дна,

Со смертью любимых — не
сгинет любовь,

И смерть пребудет
бессильна.

Из
стихотв
орения
Д.Томаса
«*Solaris*
Poem»

Станислав Лем, выдающийся польский писатель, родился 12 сентября 1921 г. во Львове и скончался 27 марта 2006 г. в Кракове. Его книги напечатаны общим тиражом 27 млн. экземпляров на 41 языке. Эти данные будут приведены во всех

будущих энциклопедиях (я уже вижу, как смеется пан Станислав, считавший, что забывается решительно всё и хорошо еще, если внуки будут нас помнить. А в качестве примера приводил... Гитлера). Так вот, в одном из интервью Лем с гордостью заявил: «Кстати, у вас в России знают, что я — философ? В Германии уже лет пять, как знают». А в другом: «Между прочим, в немецкой энциклопедии написано коротко и ясно, что я — философ».

Как это понимать? Во-первых, он стремился ставить такие вопросы (и находить на них ответы, в отличие от просто писателей), на которые в свое время отвечали философы и мудрецы. «Ребе, у тебя мало времени, и у меня мало времени. Скажи, как жить?»

Практически все придуманные Лемом миры и футурологические предсказания маскировали строго и кратко поставленные философские вопросы. Эти маски стали способом, который позволил ему быть услышанным «в наш жестокий век» и показать, что никакие внешние обстоятельства не меняют сути человека и стоящих перед ним проблем. А еще Лем без усталости предлагал, как эту суть можно улучшить.

С этим его стремлением улучшить человеческую породу порой происходили недоразумения: слишком уж это напоминало устремления коммунистов. Известно письмо, адресованное в 1974 г. в ФБР одним из лучших американских фантастов (и единственным среди фантастов, которого ценил Лем) Филипом К. Диком. Дик предостерегал, что американскую фантастику пытается взять под контроль известный коммунистический партийный функционер из Кракова, некто Лем, который «по всей вероятности, является скорее целой организацией, нежели одним человеком, поскольку он пишет несколькими различными стилями и иногда понимает иностранные языки, а иногда — нет». А на сайте КПРФ я недавно обнаружил исследование, автор которого утверждал, что «лучше всего описал модель коммунизма Станислав Лем в книге «Возвращение со звезд»». А это одна из самых страшных и горьких антиутопий Лема, где ставится вопрос о том, что для человека важнее: свобода или мир и благополучие.

Может, именно эта двусмысленность и сбивала с толку советскую цензуру? Во всяком случае, сам Лем признавался, что огромные тиражи его книг в СССР весьма способствовали судьбе его книг в Польше.

А его приезды в Москву... Сам Лем вспоминал: «Как только я появлялся в Москве, ученые отбивали меня у литераторов. В результате я не познакомился ни с одним писателем, за исключением братьев Стругацких, а только с одними физиками, астрофизиками, кибернетиками. Однажды меня пригласили в Институт физики высоких температур, куда нужно было иметь специальный пропуск, на что-то вроде лекции для сотрудников. Когда я надевал пальто, кто-то вложил мне в карман записку «Этому человеку вы можете полностью доверять». А человек сказал мне: «Пожалуйста, выйдите из вашей гостиницы «Пекин» в девять вечера и стойте на углу». Приказ есть приказ: вышел я из гостиницы, подъехал «Запорожец», уже с пассажирами. Я уселся кому-то на колени, и мы тронулись. По дороге я оглядывался, не едут ли за нами кагэбешники, но все обошлось. Мы ехали по каким-то темным переулкам, поднялись по темным лестницам, двери отворились — и я оказался перед «сливками общества» советских ученых. Садимся за стол, и тут мне объявляют: «Здесь можно говорить все!» — «Ну, раз все, — отвечаю, — то ответьте мне на такой вопрос: есть у меня идея книжки о таком суперкомпьютере, который читал бы лекции о человечестве и его судьбах. Есть в этом смысл?» — «Ну, конечно», — отвечают, и начали так меня подначивать, что вскоре после возвращения в Польшу я написал «Голема»».

Прошу прощения, но здесь я вынужден добавить несколько слов от себя. Дело в том, что все библиографии произведений Лема дружно сообщают, что повесть «Голем XIV» (которую Лем, по его собственному признанию, особенно любил) была впервые издана в Польше в 1981 году. Я имел счастье познакомиться с паном Станиславом задолго до описанного им случая, будучи совсем еще «зеленым» студентом физфака МГУ. На факультете действовал так называемый «Студенческий клуб физиков», и я занимался тем, что приглашал туда разных интересных людей. Лем пришел на встречу, и после этого я виделся с ним еще несколько раз. На гения по внешнему виду он не тянул (не Ландау!), но говорить с ним, пожалуй, было интереснее, и чувство юмора у него было необыкновенное. Так вот, «Голем» — единственная вещь Лема, над переводом которой я работал, — был издан в СССР издательством «Знание» раньше, в 1980 г. (в 23-м выпуске серии «Научная фантастика»). И что самое смешное, я совершенно не помню, с какого текста делался перевод. Загадка, как говорил пан Станислав, природы — и обязательно вспоминал при этом советский журнал «Природа», который выписывал и весьма ценил.

Но я отвлекся. Так почему же Лем был так популярен в соцлагере, и особенно в СССР? Лучше всего на это вопрос, по моему, ответила М.Чудакова:

«Лем удовлетворял больше чем потребность — жажду. Советские читатели сталкивались в его фантазиях со свободой человеческой мысли, объединявшей и героев, и авторов, с демонстрацией ее мощи, тогда как в тогдашней публичной (не на кухне) жизни мощь мысли не существовала как ценность (предполагалось, что за нас думает партия).

Лем напоминал нам каждой страницей: «Cogito ergo sum!» Да, он помогал нам существовать, напоминая, что мы мыслим, мыслим, должны, по крайней мере, мыслить! И потом — непрерывная демонстрация логического аппарата — в стране, где подавление способности к логическому мышлению было одной из важнейших, хотя никогда не эксплицированных, задач мощного аппарата советской пропаганды» («Станислав Лем в умах и сердцах жителей исчезнувшей страны»).

Это глубокое наблюдение можно дополнить еще одним фактом: у Лема всегда разум побеждает грубую силу (даже в такой, казалось бы, безобидной сказке, как «Кибериада»).

То же самое М.Чудакова пишет о Стругацких: «В романе «Улитка на склоне» (1965) ярко обозначилась корневая суть творчества братьев Стругацких: глубочайшее разочарование в самом человеке, не желающем измениться внутренне, преодолеть на пути к лучшему будущему прежде всего себя. (...) В тогдашней печатной жизни не было ни экономической, ни социологической, ни исторической, ни философской, ни политологической мысли. В книгах братьев Стругацких читатели искали ответы на те вопросы, которые они должны бы задать профессионалам всех этих наук». Но подлинных профессионалов — не было. Мудрецов — не было. И философов тоже. Именно поэтому Лем так гордился, что немцы его признали философом (он вообще считал, что в Германии он более популярен, чем в Польше).

А популярность Лема в Америке (помимо чисто писательской) оказалась наиболее достойной его выдающегося интеллекта. В антологии известных специалистов по когнитивным наукам Д.Хофштадтера и Д.Беннета «The Mind's I» (1981) были собраны работы, которые стали, по мнению авторов, основополагающими для развития этих наук, для решения проблемы искусственного интеллекта. Из 27 работ три принадлежат Лему (и все три были опубликованы ранее в качестве художественных произведений!). С тех пор Лем стал

мировым классиком этого научного направления. В качестве основного инструмента своих исследований он использовал так называемый «мысленный эксперимент», вполне законным образом использующийся также в физике («парадокс близнецов» в теории относительности, «кошка Бора» в квантовой механике и др.).

Хотя, надо сказать, он гораздо больше гордился тем, что предвидел (в «Сумме технологии») возникновение этих новых наук и даже дал им замечательные названия: «интеллекtronика» и «фантоматика» (которая стала теперь называться «виртуальной реальностью»).

Лем верил, что человек неспособен измениться сам, что люди в массе своей глупы и злы, что «зло возникает из глупости, а глупость питается злом». «Никто ничего не читает, — говорил Лем, — а если читает, то не понимает, а если даже понимает, то ничего не помнит». Он считал, что автоэволюция вида «*homo sapiens*» будет проходить в несколько этапов: один из первых, уже начавшийся, — это так называемая консервативная техника, т.е. пересадка органов и протезирование, а сущность второго этапа состоит в реализации биотехнологической программы — максимум, то есть в формировании все более совершенных типов человека. «Голем XIV » завершается следующими словами суперкомпьютера: «Дело в том, что не существует Разума, если существуют разумы различной мощности, и, чтобы выйти за свои пределы, как я уже говорил, человек разумный будет вынужден либо отвергнуть человека естественного, либо отречься от своего разума. (...) Я думаю, что вы вступите в век метаморфозы, что решитесь отбросить всю свою историю, всё наследие, все остатки природной человечности, образ которой, многократно увеличенный до размеров прекрасного трагизма, сосредоточивают зеркала ваших вер. Я утверждаю, что вы выйдете за эти пределы, ибо иного выхода нет. И в том, что сейчас вам кажется лишь прыжком в бездну, вы усмотрите вызов, если не красоту, и все же поступите по-своему — ибо, отринув человека, спасется Человек».

Не существует Разума, если существуют разумы различной мощности... Понятно, что, придерживаясь этой концепции, Лем не мог не быть атеистом. «У меня свои убеждения. После моей смерти со мной будет в точности то же самое, что было перед моим рождением. То есть попросту ничего. И это для меня — обещание счастья. В определенном смысле, потому что ничего не ощущать — это намного приятнее, чем быть старым, больным, немощным». Это мог бы написать Эпикур.

Но вот что отвечает на это высказывание анонимный польский читатель Лема: «Вы для меня — абсолютный авторитет. Если Вы утверждаете, что Бога нет, то Его, наверное, и вправду нет. Но мы должны поступать так, как будто Он есть. Желаю Вам доброго здоровья».

К концу жизни Лем писал уже только короткие статьи и вел колонку в католическом еженедельнике «Тыгодник повшехный» (еще один из столь свойственных ему парадоксов). Характер у него всегда был не сахар, а в последние годы его брюзжание приобретало даже своего рода обаятельность.

«Лететь на Марс? А зачем? Воздуха нет, кислорода нет, воды нет, холод жуткий. Один красный песок. Что можно построить на Марсе? Только ГУЛАГ».

«Привязан ли я к Кракову? Привязан в том же смысле, в каком привязан к этому креслу, так как сидеть на полу было бы неудобно. Я здесь оказался случайно. Я родом из Львова и львовянином останусь. Здесь остановились мои родители, а я не мог решать, где оставаться, а где — нет. Нет, ничего у меня общего с Краковом нету, и я не испытываю особых чувств по отношению к этому городу».

«Похоже на то, что «высокая» или попросту традиционная культура будет вытесняться в катакомбы. Я сейчас читаю Пушкина — потому что очень его люблю. «Избранное» Пушкина в Советском Союзе стоило копейки, а тираж был — 250 тысяч экземпляров. Где теперь такие тиражи?»

«Я получил от Ежи Помяновского первый номер «Новой Польши», журнала о Польше для русских. Такой журнал был нужен, но его название навело меня на неприятную мысль, что русские еще не до конца отучились говорить не только «наша Киргизия», но и «наша Польша». К сожалению, пока все попытки объяснить русским, что они у нас натворили, отскакивают от них, как от стенки. Мы всегда слышим одно и то же: «Что значат ваши двадцать тысяч офицеров, убитых в Катыни и других местах в России, да и весь ваш восточный фронт вместе с пограничным корпусом, раздавленный советскими танками, по сравнению с нашими потерями!» Подобного рода подсчеты и сравнения я считаю непростительным грехом по отношению к человеческой морали. Не все можно простить и забыть: разумеется, со многими вещами мы должны смириться, но насилие всегда остается насилием».

А что же русские? Пусть скажут сами.

28 марта 2006 г., отвечая на просьбу польской корреспондентки дать в газету несколько слов в связи со смертью Лема, которого он лично знал, Борис Стругацкий сказал: «Нет ни одного писателя, который обладал столь поразительной способностью создавать фантастические миры. Это потеря для всей мировой литературы. Человек и писатель огромного интеллекта, титанической эрудиции и абсолютно невероятной силы воображения. Мы расстаемся с ним так, как расставались бы с целой эпохой. Это утрата не только для Польши, но и для России. У нас Лема любили так, как если бы он был нашим, русским писателем. И я думаю, что его почитателей в России, если говорить об абсолютных цифрах, даже больше, чем в Польше. Горько думать, что мы уже не будем ждать его новых книг, хотя, зная его, я подозреваю, что наверняка остались какие-то его неопубликованные произведения».

А анонимный польский читатель Лема, может быть, и не знавший его лично, но больше любивший, написал: «Остались его тексты. И память. И то, и другое недолговечно. Лем писал, что мы — лишь мгновение на часах эволюции. Он ушел от нас, но его произведения остались. Я надеюсь, что, как он и говорил раньше, ящики его письменного стола действительно пусты. Просто ужасно, что вытворяют люди с наследием писателя, с его неопубликованными текстами. А теперь Лем уже не сумеет себя защитить».

Очень хотелось бы, чтобы польский читатель на этот раз ошибся.

ПАМЯТИ СТАНИСЛАВА ЛЕМА

Лично я встречался с ним в 60-х годах, дважды или трижды, когда Лем приезжал в Питер. Собиралась обычная питерская компания (Варшавский, Брандис, Брускин — переводчик «Соляриса», еще кто-то), выпивали понемножку и очень много разговаривали — о литературе, о Вселенной, о мире, Космосе, о жизни на Земле и на иных планетах. Лем очень недурно владел русским, и никаких проблем перевода не возникало. Разговаривать с ним было — одно наслаждение: он был блистательный полемист, потрясающий эрудит, остроумец и вообще умница. Думаю, это был один из умнейших людей, с которыми мне приходилось общаться за всю мою жизнь. А уж воображение его!... Нет и не было в литературе XX века писателя с таким мощным, многогранным и изощренным воображением! Мы пока еще не понимаем, какого гиганта потеряли. Он был Рабле и Свифт XX века в одном лице. Равных ему нет и не было со времен Уэллса. Человек-Гора!

Борис Стругацкий

Уважаемая редколлегия журнала «Новая Польша»!

Просим принять наши искренние и глубокие соболезнования в связи с кончиной великого писателя, футуролога и эссеиста пана Станислава Лема. За последние два года в мир иной ушло три великих человека, жизнь которых была связана с культурной столицей Польши Краковом: Чеслав Милош, Иоанн Павел II (Кароль Войтыла) и Станислав Лем!

Со смертью Лема осиротела целая вселенная, созданная силой его вдохновения и таланта. Осиротели и мы, читатели его феерически-парадоксальных текстов. Но именно в своих произведениях — в «Солярисе» и «Кибериаде», в «Путешествиях Трурля и Клапауция» и «Дневниках и воспоминаниях Ййона Тихого», в «Насморке» и «Футурологическом конгрессе» и множестве других сочинений, — Станислав Лем продолжит свою жизнь, жизнь одного из бессмертных гениев мировой литературы.

Сообщение о смерти пана Станислава совпало с новым прочтением его звёздного романа — «Соляриса». На 1 апреля 2006 года мы заранее наметили (и обязательно проведем) заседание университетского киноклуба по теме «Станислав Лем и Андрей Тарковский

(«Солярис»: текст, кинотекст и контекст)». Так невольно заявленная тема приобретёт мемориальный характер.

Спасибо Вам, пан Станислав, за Ваши книги, за Ваше исключительное умение будить человеческую мысль, вводить нас в мир Непознанного и Неизведанного!

С уважением,

Валерий Алексеев, Степан Шилов
и Владимир Меншиков
(преподаватели Курганского государственного университета,
искренние полонофилы и многолетние читатели
превосходной «Новой Польши»)

ГОЛОСА ИЗ СЕТИ

Я хотел написать о неприятностях, которыми чреватые наметившиеся в последнее время в Польше крайне правые тенденции, но вдруг получил 52 сообщения российских пользователей Интернета, которым один из тамошних порталов предложил задавать мне вопросы.

Трудно на это не отреагировать, тем более что авторы — люди в основном молодые, лет двадцати с небольшим. Меня совершенно ошеломил град похвал, хоть я и догадываюсь, что эти высказывания были отцежены из гораздо большего числа вопросов. Я узнал, что мои книги считаются в России «культовыми», а мои российские читатели просто восхищены, что я такой, какой есть. Сплошные дифирамбы и панегирики. Ситуация немного неловкая, тем более что я не такой уж замечательный, как им кажется. Кроме того я не люблю, когда меня слишком хвалят, и охотнее всего признал бы значительную часть этих похвал недействительными.

«Пан Станислав! Не может быть, что это происходит со мной!!! Никогда не думал даже в фантазиях своих, что Вам можно будет задать вопрос!!!» — восклицает в экстазе Андрей. «Книги с Вашими произведениями уже затерла до дыр, — признается 23 летняя Маша. — Короче, спасибо без всяких вопросов». «Фотографию на фоне вашего дома в Кракове храню как реликвию», — пишет Сергей. И еще одно высказывание: «Я Вас люблю с первой прочитанной мной в юности сказки роботов и до конца моих дней, и никаких вопросов. Всегда и во всем Ваш».

«Я действительно благодарю Бога за то, что есть Интернет, и я имею возможность задать вопрос человеку, книгами которого зачитывалась с детства!» — пишет Ангелина и тут же спрашивает, что такое сепульки, появляющиеся в одном из путешествий Ййона Тихого. Не она одна. Этим же интересуется и Андрей Бовыкин: «Всю жизнь, с самого детства, меня занимает один вопрос: что же такое сепульки и в чем заключается их порносферичность?» А чтоб им пусто было! Я и сам понятия не имею!

Есть и вопросы чисто предметные — например, знаком ли я с творчеством молодых российских писателей-фантастов. Мне очень жаль, но я их просто-напросто не читаю, — я очень давно

перестал читать научную фантастику. Дмитрий хотел бы узнать, как я отношусь к творчеству братьев Стругацких. Что ж, я думаю, что это уже история, хотя история прекрасная. Еще кто-то сообщает мне, что в московской квартире Владимира Высоцкого находится экземпляр моих «Сказок роботов» с посвящением: «Володе. Март 1965», — и интересуется моей встречей с Высоцким, который тогда был еще не слишком популярен. Я не очень хорошо помню эту встречу, но припоминаю, что он спел мне «Песню о нейтральной полосе». Я относился к нему с уважением, независимо от того, насколько он был славен. Поэтому, когда он умер, меня не удивило, что русская молодежь ломала над его могилой гитары.

«Должно ли человечество пытаться узнать правду о существовании жизни после смерти? Верите ли вы в такую жизнь сами, верите ли в то, что она вечна?» Что ж, на такие вопросы я не отвечаю. Еще один пользователь Интернета сначала восклицает: «Боже!!!! Я не могу поверить!!! ИноСМИ все же смогли уговорить Вас ответить на вопросы посетителей сайта», — после чего цитирует мое высказывание о том, что мир нужно менять, иначе он неконтролируемым образом начнет изменять нас самих. В заключение автор дает к этим словам свой собственный комментарий: «Не буду отвечать за весь мир, но меня Вы изменили точно. В лучшую сторону, конечно!»

«Каково сейчас Ваше мнение о войне в Ираке? Из уважаемых мной людей в поддержку войны выступали только Вы», — пишет Михаил Голубев. Не буду скрывать, что решение Буша кажется мне сегодня серьезной ошибкой. «Лично для Вас Львов — польский город или украинский?» — спрашивает Алексей. Я, к сожалению, человек необъективный. Конечно, я понимаю позицию украинцев, но мне трудно отказаться от Львова, который был и останется моим городом. Журналистка, беседовавшая со мной в декабре о моих львовских воспоминаниях, поехала во Львов и прислала мне оттуда множество фотографий. Вчера я рассматривал их до потери сознания.

«Ощущаете ли Вы себя на склоне лет по-прежнему поляком?» — спрашивает (провокационно, как он сам признается) Сергей Цедрик. А кем же еще я могу себя ощущать, черт возьми?! «Что для Вас Польша?» Что ж, Польша — это место, где разыгрывается моя судьба. И хотя иногда я думаю, что охотно бы отсюда уехал, найти сегодня в мире более безопасное место вовсе не так легко. «Ваши книжки так не похожи на то, что ассоциируется у меня с польской культурой и польским

обществом... Что-то в них... инопланетянское...» — пишет все тот же автор. Не знаю... Во всяком случае, с моей стороны это было неумышленно.

«Я начал вас читать примерно с тех пор как научился читать вообще. В 6 лет я в первый раз прочитал „Солярис“, и сейчас мои дети читают его тоже. И они четко отличают бессмысленные произведения от тех, где надо думать». Неужели человек, читающий «Солярис» в шесть лет, может в этой книге хоть что-то понять? Не знаю, но меня трогает непосредственность и искренность автора.

А вот высказывание, которое мне особенно понравилось: «Уважаемый господин Лем! — пишет Иван. — К сожалению, в отличие от большинства написавших Вам вопросы, я не прочитал еще ни одной Вашей книги. Но моя тетя — Ваш горячий поклонник». И эта тетя, у которой нет доступа в Интернет, хочет узнать, каково будущее современного общества всеобщего потребления. Предполагать, что у меня есть какие-то необычайные сведения на этот счет, и несколько забавно, и трогательно.

«Обязательно ли человечеству чего-нибудь бояться, чтобы стать единым?» — спрашивает Дмитрий Комиссаров из Оренбурга. Это трудный вопрос. В последнее время, после публикации рядом европейских газет карикатур на пророка Магомета, мы стали свидетелями взрыва арабского цунами. С одной стороны, я считаю, что не следует нарушать чужие иерархии ценностей — в данном случае ценностей религиозных. Но, с другой стороны, нельзя поддаваться диктату насилия. Только один человек в мире может быть доволен — это профессор Сэмюэл Хантингтон, предсказывавший столкновение цивилизаций.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Председатель правящей партии «Право и справедливость» (ПиС) Ярослав Качинский после ста дней нового правительства: «Сегодня в Польше налицо начало перемен (...) Польше необходимы очень энергичные действия (...) чтобы можно было взяться за великие общественные проекты — строительство автострад или квартир для простых граждан, — (...) чтобы польская экономика быстрее развивалась (...) В Польше нет угроз для демократии и законности (...) В Польше не будет диктатуры (...) и авторитаризма (...) Но в Польше будет порядок». («Газета wyborcza», 18-19 февр.)

• Согласно опросу Лаборатории социологических исследований (ЛСИ), 65% поляков выступают против введения цензуры нравов; 20% — за. Столько же опрошенных (65%) высказываются против ужесточения антиабортного закона; 26% придерживаются противоположного мнения. 62% не хотят запрета на воскресную торговлю; за выступают 34%. 51% высказывается за финансирование противозачаточных средств из госбюджета; 41% — против. За разрешение абортов по «социальным» причинам выступают 50% поляков; против — 40%. 89% хотят введения специальных пособий по безработице, и только 8% высказываются против этого. 66% выступают за ранние пенсии для шахтеров на особых условиях; 27% — против. 57% высказываются за выплату государством 1000 злотых на каждого новорожденного; 39% не согласны с этим. 55% общества не желают введения плоского налога; 33% считают его целесообразным. («Газета wyborcza», 27 февр.)

• «За последний квартал прошлого года ВВП вырос на 4,2%. Это означает, что в указанный период он рос в два раза быстрее, чем в начале года. Экономике наконец-то подстегивает не только экспорт, но и внутренний спрос. Помимо инвестиций, растет потребление. Наши расходы увеличились на 3,1%. Поляки снова охотно тратят деньги, так как их все меньше пугает призрак потери работы, зарплата растет, а инфляция остается на низком уровне». («Ньюсуик-Польша», 12 марта)

• «По данным института ГфК «Полония», в 2005 г. каждый третий поляк начал покупать экологически чистые продукты. По крайней мере так заявили участники опроса. По оценке

производителей продуктов питания, истинное число людей, заинтересованных подобной пищей, значительно меньше. Правда, растет оно очень быстро, но пока не превышает 0,5–1% покупателей. Они-то и пользуются услугами 20 интернет-магазинов и 200–300 рассеянных по всей Польше традиционных точек торговли (...) Экологически чистыми (био- или органическими) можно называть только продукты, произведенные в естественных условиях, без искусственных компонентов и генетических модификаций. Проверить это может одна из семи специальных лабораторий, выдающих соответствующие сертификаты. Рекламирывать товары без сертификатов, называя их экологически чистыми, органическими или биопродуктами, запрещено законом (...) Хотя за последний год посевная площадь экологически чистых культур в Польше удвоилась (и составляет почти 16 тыс. га), производители не поспевают за ростом спроса». (Петр Стасяк, «Политика», 25 февр.)

• «В январе цены были лишь на 0,7% выше, чем годом раньше. Инфляция в нашей стране не растет». («Жечпосполита», 16 февр.)

• Лешек Бальцерович: «Уже третье подряд правительство застаёт на старте очень благоприятную экономическую ситуацию: низкую инфляцию, быстрый рост производства, почти сбалансированную внешнюю торговлю, прекрасные показатели экспорта и т.д. Во многом это следствие реформ снизу, которые идут на предприятиях. Кроме того, у нас очень спокойные финансовые рынки (...) Наши перспективы зависят от соотношения между теми, кто позволит демагогам ввести себя в заблуждение, и теми, кто будет этому активно противодействовать. Хорошие перспективы появляются только тогда, когда удастся победить силы этатизма». («Впрост», 12 марта)

• Ян Винецкий: «Польша принадлежит к небольшой группе стран, в которых были проведены удачные посткоммунистические преобразования (...) Одышка последних семи-восьми лет, вызванная правовым регрессом, не меняет этой оценки сколько-нибудь существенным образом (...) Именно в Польшу, Чехию, Эстонию, Словению, Венгрию и Словакию стекаются иностранные инвестиции. Именно здесь [предприниматели] все чаще ищут не только относительно дешевую, но и высококвалифицированную рабочую силу. И все это несмотря на деформацию государства, политический клиентизм, гипертрофированную социальную сферу, регулятивные барьеры и коррупцию...» («Впрост», 19 февр.)

• Лешек Бальцерович: «Если бы после 1989 г. в Польше не были проведены общественно-политические преобразования, нам не удалось бы вступить в НАТО и Евросоюз. Чтобы вступить в ЕС, мы должны были соответствовать жестким требованиям, касающимся законности, демократии, прав человека и рыночной экономики. Свободные СМИ, независимость судов, самый высокий в постсоциалистическом мире после 1989 г. рост ВВП, стабильная и конвертируемая валюта, открытость к миру и успехи тысяч польских предпринимателей, пятикратный рост числа студентов, заметное сокращение младенческой смертности и значительное увеличение продолжительности жизни, несомненное улучшение обеспеченности семей бытовой техникой — все это не вымысел. Конечно, у Польши есть и серьезные проблемы — например, высокая безработица. В последние годы мы начали отставать от Литвы и Словакии по темпу экономического роста. Однако эти проблемы возникают вследствие блокирования части реформ (ставящихся сейчас под сомнение), а не вследствие их избытка. Кроме того, нельзя равнодушно смотреть на методы, используемые в политике (...) В Польше необходимо поднять уровень того, что я назвал бы элементарными гражданскими знаниями. Давайте не будем смотреть на лозунги, ибо зачастую они призваны усыплять разум (...) Скорее надо поощрять людей, которые сейчас из снобизма изображают политическую пассивность, чтобы они становились истинно сознательными и активными гражданами». («Жечпосполита», 25-26 февр.)

• «В 2007 г. превышение расходов госбюджета над доходами составит 4,3% ВВП. Тем самым мы не выполним установленных еще в 2004 году предписаний Брюсселя, обязывающих нас в течение трех лет ограничить дефицит государственных финансов до допустимого в ЕС уровня 3% ВВП (...) Европейский комиссар по вопросам экономики и денежно-кредитной политики Хоакин Альмуния (...) напомнил, что у нас есть время до марта 2007 года». («Жечпосполита», 2 марта)

• Анджей Арендарский, председатель Всепольской экономической палаты: «Депутаты сосредоточились на дележе ограниченных финансовых ресурсов, вместо того чтобы заняться созданием условий для их умножения. В течение последних месяцев 2005 г. Сейм не обратил внимания ни на одну важную для предпринимателей проблему». («Жечпосполита», 6 марта)

• «20 февраля 2006 г. вступает в силу запрет на ростовщичество (...) «максимальный размер годовых процентов не может

превышать четырехкратного размера процентной ставки ломбардного кредита Польского национального банка» (...) В настоящий момент эта ставка составляет 5,75%. Иными словами, номинальная ставка не может превышать 23% (...) Депутаты установили также максимальный размер комиссионных за открытие кредита (не более 5% от его суммы) (...) Ростовщикам грозит штраф, ограничение или лишение свободы до двух лет (...) Через несколько лет ставки могут снизиться до 2%. Соответственно четырехкратный размер будет составлять 8%. Тогда ни один банк не захочет давать кредит, так как это будет попросту невыгодно». (Петр Стасяк, «Политика», 18 февр.)

- «В речи министра иностранных дел Стефана Меллера был представлен новый подход к государственной внешней политике (...) Во-первых, безопасность (...) Перечисляя приоритеты, Меллер прежде всего упомянул НАТО. Кроме того, он отважился открыто назвать Евросоюз орудием реализации наших политических целей, а не некоей мистической самоцелью. Это ключевое орудие, дающее полякам шанс выйти на новый цивилизационный уровень». (Ежи Марек Новаковский, «Впрост», 26 февр.)

- «На протяжении последних полутора десятков лет горизонт коллективной памяти поляков сузился, а оценка этих лет, знакомых многим по личному опыту, кажется им более важной, чем обращение к минувшим эпохам (...) Получило распространение индивидуальное отношение к прошлому, проявляющееся в интересе к семейной истории (...) Зато реже, чем в предыдущие десятилетия, прошлое прочитывается в категориях ценностей, связанных с общественной сферой. При этом усиливается склонность к поиску в нем личных дилемм, добродетелей и недостатков (...) На протяжении последних полутора десятков лет общественное влияние национального мифа вооруженной борьбы явно ослабло (...) Однако вследствие произошедших за это время перемен большинство поляков ищет в национальном прошлом примеры хорошо функционирующей политической системы, здравого рассудка, эффективных действий и успехов на международной арене». (Петр Тадеуш Квятковский на базе опросов ЦИОМа и института «Пентор», «Одра», февраль)

- «Первый визит президента Польши в соседнюю страну. Президенты Польши и Чехии Лех Качинский и Вацлав Клаус заявили вчера в один голос, что они не евроскептики, но борются с «евронаивными». Качинский сказал, что, подобно

Клаусу, наложил бы вето на закон о легализации гомосексуальных союзов». («Газета wyborcza», 18–19 февр.)

• «Тех, кто ожидал, что [в Берлине президент Лех] Качинский будет критиковать ЕС, постигло разочарование. В своей лекции в Университете Гумбольдта он не только почтил память отцов-основателей Евросоюза, но и назвал ЕС «величайшим успехом». «Сегодня можно представить себе польско-немецкий спор, но войну — уже нет», — сказал Качинский (...) По оценкам самого президента, визит в Германию стал самой удачной его поездкой. «Когда нам удастся решить проблему Северного газопровода и «Центра против изгнаний», наши взаимоотношения можно будет назвать цветущими», — сказал польский президент». (Бартош Т. Велинский и Павел Вронский, «Газета wyborcza», 10 марта)

• «Сегодня Польша — один из лучших друзей Израиля, и новое польское правительство продолжает политику в этом же духе», — написал известный американский комментатор Тэд Таубе в сервисе действующего в США еврейского агентства ИТА. Он считает, что, вопреки стереотипным мнениям о «польском антисемитизме», проблемы Израиля пользуются большой популярностью в польских университетах, а «редкие антисемитские демонстрации столь малочисленны, что не обращают на себя внимания даже локальных СМИ»». («Жечпосполита», 13 февр.)

• «Варшавский окружной суд оставил в силе приговор районного суда, признавшего Лешека Бубеля виновным в нарушении законодательного запрета на оскорбление граждан за их национальную принадлежность, и повысил наложенный штраф с 2,5 до 5 тыс. злотых. Причиной процесса стал изданный Бубелем сборник антисемитских статей — одно из 150 изданий, которые он уже долгие годы распространяет массовыми тиражами (...) Теперь его ждет еще один гражданский процесс по коллективному иску почти полутысячи человек, которые требуют высокого денежного штрафа». («Жечпосполита», 15 февр.)

• «В воскресенье представители Польского общества цыган отметили очередную годовщину первой депортации цыган в концлагерь Аушвиц и создания в лагере Аушвиц II Биркенау т.н. Zigeunerfamilienlager (семейного лагеря для цыган) (...) Между 26 февраля 1943 и 21 июля 1944 года в цыганский лагерь было заключено в общей сложности 20 967 мужчин, женщин и детей. В это число не входят около 1700 цыган из Белостока, которые были уничтожены сразу после прибытия». («Жечпосполита», 27 февр.)

- «Вчера решение Главной военной прокуратуры РФ по катынскому делу прокомментировало польское министерство иностранных дел: «МИД в очередной раз с прискорбием отмечает существенные различия в юридической квалификации катынского преступления в Польше и Российской Федерации»». («Жечпосполита», 7 марта)

- Прокремлевский политолог Сергей Марков: «Если каждый начнет требовать компенсаций, нам придется отдать все, да и то не хватит». («Жиче Варшавы», 4-5 марта)

- «Сергей Ястржембский — первый видный российский политик, появившийся на берегах Вислы с тех пор как в конце 2004 года польские власти поддержали украинскую «оранжевую революцию». Ястржембский вручил [президенту] Леху Качинскому письмо от Владимира Путина. «Президент хочет, чтобы наши отношения с Польшей были такими же хорошими, как с Германией, Францией или Италией», — сказал президентский посланец (...) «Россияне думают о поляках вовсе не так плохо, как вам кажется», — убеждал Ястржембский. Однако он предостерег, что повышения цен на газ не избежать: «Время братского сотрудничества прошло». Россия рассчитывает, что в ответ на [дружественные] жесты Кремля Польша воздержится от прямых действий, направленных на свержение белорусского режима Александра Лукашенко. Польские власти должны также смириться с прокладкой газопровода по дну Балтийского моря, соединяющего Германию с Россией в обход Польши (...) В свою очередь Россия, похоже, смирилась с потерей влияния на Украине. По словам Ястржембского, если Киев добьется принятия в НАТО, то Москва «воспримет это без энтузиазма», но как-нибудь переживет эту потерю». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 21 февр.)

- «Есть потепление? — удивился политический комментатор «Эха Москвы», когда его спросили о визите Сергея Ястржембского в Варшаву, — А было охлаждение?» Ни один российский центр исследования общественного мнения не проводит опросов на тему польско-российских отношений (...) Наступил момент, когда Москве стало невыгодно игнорировать Варшаву: дело тут и в польской поддержке вступления Украины в НАТО, и в поддержке белорусской демократии, и в высказываниях Польши о России, к которым прислушиваются в Брюсселе. Поэтому Россия приняла протянутую нашими дипломатами руку, но на своих условиях (...) Я верю, что несущий потепление ветер с востока не окажется ураганом, который сметет столь важные для нас предвыборные

принципы восточной политики польского президента».
(Кристина Курчаб-Редлих, «Впрост», 5 марта)

• «Предприниматели из России, с Украины и из Казахстана (...) переманивают из наших фирм лучших директоров (...) Российские фирмы рассчитывают на то, что польские специалисты принесут с собой западный стиль работы (...) Им предлагают зарплату в несколько раз выше, чем в Польше, астрономические премии за успех, лимузины с шоферами и служебные апартаменты (...) Вакантные места ждут специалистов по торговле, банковскому делу, маркетингу, страхованию и логистике». (Ярослав Олеховский, «Ньюсуик-Польша», 5 марта)

• «Наш главный партнер за Бугом — Украина. По мнению министра иностранных дел Стефана Меллера, ее демократическая эволюция так важна для Польши, что «некоторым образом стала частью нашей собственной истории» (...) Однако министр считает, что поддержка Украины не может и не должна отрицательно сказываться на наших отношениях с Россией. «Нет ни малейшей причины, по которой они могли бы быть плохими», — сказал Меллер (...) Зато политика нашей страны по отношению к Белоруссии будет и впредь жесткой, если у власти в этой стране останется режим Александра Лукашенко. Меллер в завуалированной форме сообщил, что на мартовских президентских выборах в Белоруссии Польша поддержит кандидата демократической оппозиции Александра Милинкевича. «Мы хотим, чтобы победила гражданская инициатива», — заявил польский министр». («Жечпосполита», 16 февр.)

• Из интервью с премьер-министром Украины Юрием Ехануровым: «Мы очень заинтересованы в том, чтобы дотянуть до вашего Плоцка наш нефтепровод Одесса—Броды, предназначенный для транспортировки нефти из района Каспийского моря (...) Если поляки не согласятся, мы будем пытаться открыть путь каспийской нефти к берегам Балтийского моря через Белоруссию и Литву. Мы уже начали переговоры с Минском (...) Кроме того, я хочу предложить полякам сотрудничество в области экспорта электроэнергии (...) Мы хотим осуществить совместно с поляками несколько проектов, которые позволят нам экспортировать электроэнергию на Запад (...) Мы хотим, чтобы создавались совместные малые и средние польско-украинские предприятия. Мы верим, что поляки научат наших предпринимателей, как эффективно включиться в борьбу за западные рынки (...) Мы считаем, что Польша — это партнер,

которому можно доверять, который прощает ошибки. Мы очень заинтересованы в том, чтобы наши предприниматели, правительства и президенты хорошо понимали друг друга». («Газета выборча», 16 февр.)

- «В течение трех месяцев мы представим конкретные предложения по строительству нового нефтепровода», — заявил [премьер-министр Казимеж] Марцинкевич после встречи с Ехануровым. Он заверил также, что в 2006 году будут приняты решения, гарантирующие диверсификацию поставок в Польшу энергии» («Жечпосполита», 17 февр.)

- «Замминистра экономики Петр Наимский, ведающий топливной промышленностью, подходит к проекту сдержанно. «Мы будем участвовать в этой инвестиции только при условии получения гарантий, что положение на Украине будет стабильным и предсказуемым», — заявил Наимский (...) В Сейме он сказал, что число сомнений, связанных с трубопроводом Одесса—Броды, «довольно велико», однако не уточнил, что это за сомнения». («Газета выборча», 17 февр.)

- «Хотя президенты Польши и Украины говорили вчера в Киеве о прекрасном сотрудничестве и стратегическом партнерстве, оказалось, что в двусторонних отношениях есть одна серьезная проблема: трубопровод Одесса—Броды—Гданьск. «С польской стороны недостает конкретных действий», — говорил премьер-министр Ехануров, хотя Лех Качинский и уверял (...) что через три месяца будет готово «исследование, касающееся осуществимости» строительства польской части трубопровода (...) Президенты подписали декларацию о развитии сотрудничества в области энергетики, в которой говорится и о трубопроводе (...) «Я с радостью выслушал заверения Виктора Ющенко в том, что по вопросу европейской и евроатлантической интеграции украинская внешняя политика останется неизменной. Это для Польши очень важно», — сказал Лех Качинский». («Жечпосполита», 1 марта)

- «Растет интерес к разведке и добыче польского природного газа. В прошлом году заявления на продление концессии подали целых 50 предприятий — в два раза больше, чем в 2004 году. А выданные разрешения — это лишь вершина айсберга (...) Разведка новых месторождений газа стала особенно актуальна после 1 января нынешнего года, когда Россия ограничила поставки газа на Украину». (Пшемислав Познанский, «Газета выборча», 6 марта)

- «Сегодня с территории нашей страны начинает вещать по-белорусски радио «Рация» (...) Пока что программу можно

слушать на средних волнах на частоте 180 кГц с 18 до 20 часов (...) «Рация» выкупила также ежедневный получасовой блок на вильнюсском «Радио с берегов Вилии», чей сигнал на УКВ слышен в северо-западной Белоруссии (...) Через две недели начнутся передачи на УКВ [105,5 МГц] из Белостока, что позволит слушать радио в Гродно». («Жечпосполита», 22 февр.)

- «Вчера начало транслировать свои передачи вещающее из Вильнюса «Европейское радио для Белоруссии» (ЕРБ) — вторая после «Рации» радиостанция, которая должна поддерживать демократические перемены в Белоруссии». («Жечпосполита», 27 февр.)

- В рейтинге, составленном ЦИОМом, государственное телевидение получило 82% положительных оценок и 10% отрицательных, «Польсат» — соответственно 76 и 10, ТВН — 75 и 5, телевидение «Трвам» — лишь 14% положительных оценок и 23% отрицательных. Польское радио получило 77% положительных оценок и 5% отрицательных, РМФ ФМ — 70 и 3, радио «Зет» — 68 и 3, радио «Мария» — 22 и 37. «Газета выборча» — 48 и 5, «Жечпосполита» — 33 и 5, «Наш дзенник» — 19 и 8. Президент — 42 и 29, Сейм — лишь 23% положительных оценок и 65% отрицательных, Сенат — 27 и 50%. («Газета выборча», 27 февр.)

- «Президиум Епископской конференции Польши призвал к порядку радио «Мария» и телевидение «Трвам» (...) Вчера было опубликовано письмо от 7 февраля, адресованное провинциальному приору [ордена] редемптористов, отвечающему за радио «Мария» и телевидение «Трвам» (...) «Мы рассчитываем, что Вы создадите такую ситуацию, в которой радио «Мария» и телевидение «Трвам» начнут в полной мере соблюдать нормы католического социального учения», — написали епископы». («Жечпосполита», 16 февр.)

- Согласно опросу ЦИОМа, премьер-министру Казимежу Марцинкевичу доверяют 70% поляков, а не доверяют 12%, министру здравоохранения Збигневу Религе — соответственно 69 и 11%, президенту Леху Качинскому — 58 и 24, министру юстиции Збигневу Зеб्रो — 54 и 17, председателю правящей партии ПиС Ярославу Качинскому — 49 и 32%. («Газета выборча», 18-19 февр.)

- «Информация о возможном роспуске парламента президентом Лехом Качинским привела к падению акций на бирже, падению золотого по отношению ко всем главным валютам, а также к падению цен польских облигаций». («Жечпосполита», 14 февр.)

- «Хотел ли президент Лех Качинский распустить парламент? Подразумевающее такую возможность сообщение ПАП вызвало политическую бурю и заставило опасющихся досрочных выборов политиков «Лиги польских семей» и «Самообороны» подписать дополнительное соглашение к стабилизационному пакту, которое предусматривает согласование участниками пакта даже поправок к законопроектам (...) В конечном итоге президент в телевизионном обращении к народу положительно оценил стабилизационный пакт и заявил, что парламент не распустит». («Тыгодник повсехный», 26 февр.)

- «После наступившего в понедельник кризиса, связанного со слухами о возможности досрочных парламентских выборов, во вторник положение было совершенно иным. Когда выяснилось, что слухи не подтвердились, инвесторы начали скупать акции, облигации и злотые (...) В конце дня евро стоило 3,795, а доллар — 3,194 злотых. В понедельник курс составлял соответственно 3,815 и 3,21 злотых. Поднялись в цене и облигации». («Жечпосполита», 15 февр.)

- Согласно опросу ГфК «Полония», «больше половины поляков уверены, что Лех Качинский злоупотребил своим положением, чтобы Пис смог достичь сиюминутной политической цели. Только каждый пятый опрошенный считает, что президент повел себя беспристрастно. Столь суровая критика главы государства связана с замешательством, вызванным слухами о роспуске Сейма (...) Пис потеряла 5% в рейтинге поддержки политических партий». («Жечпосполита», 22 февр.)

- «Архиепископ Юзеф Жицинский призывает чиновников не занимать места честных людей, уволенных нынешней командой. «Я призываю вас не принимать подобные предложения. Власти меняются быстро, а честность остается (...), — сказал журналистам архиепископ. — Нашим образцом не может быть республика корешей, обладающих поддержкой и пробивной силой. Основой государства должна быть честность»». («Жечпосполита», 21 февр.)

- «Высший совет адвокатов выражает решительный протест против политических действий, которые подрывают авторитет основных институтов демократического правового государства (в первую очередь Конституционного суда, Верховного суда и уполномоченного по правам человека) и угрожают принципу независимости судов (...) Высший совет адвокатов протестует против ограничения права общественного мнения на независимую информацию путем дискриминации некоторых СМИ, которая создает угрозу свободе слова и печати. Высший совет адвокатов выражает

обеспокоенность в связи с инструментальным отношением к законодательному процессу ради достижения сиюминутных политических целей». («Жечпосполита», 20 февр.)

- «Польские авиалинии ЛОТ перестали раздавать в самолетах [левую] «Трибуну». Теперь вместо нее пассажирам предлагают издаваемый о. Рыдзыком «Наш дзенник» (...) Большинство акций ЛОТа (почти 68%) принадлежит государству. В декабре правительство Казимежа Марцинкевича сменило все правление компании, а в конце января — трех членов контрольного совета, включая председателя. Новым председателем стал бывший министр иностранных дел проф. Владислав Бартошевский». («Газета wyborcza», 15 февр.)

- «Очередной жертвой [журналистской] провокации «Факта» стал министр сельского хозяйства Кшиштоф Юргель, пославший свою служебную машину за отцом Рыдзыком по просьбе его ассистента, каковым представился журналист. Премьер-министр Марцинкевич извинился за своего министра. «Не знаю, за что премьер извиняется, — удивился Рыдзык. — Благодарение Богу, что есть еще на свете люди с добрым сердцем»». («Политика», 18 февр.)

- Согласно опросу Лаборатории социологических исследований (ЛСИ), если бы выборы прошли в начале марта, «Гражданская платформа» (ГП) набрала бы 35% голосов (что обеспечило бы ей 176 мест в Сейме), Пис — 33% (167 мест), «Самооборона» — 9% (46 мест), «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 9% (44 места), «Лига польских семей» — 5% (25 мест). Аграрная партия ПСЛ получила бы 3% голосов и не вошла бы в Сейм. («Газета wyborcza», 8 марта)

- Между тем, согласно опросу ГфК «Полония», голоса избирателей распределились бы так: Пис — 32% (196 мест), ГП — 28% (175 мест), «Самооборона» — 7% (44 места), СДЛС — 7% (43 места). «Лига польских семей» (3%) и ПСЛ (1%) не преодолели бы избирательный барьер. («Жечпосполита», 8 марта)

- Томаш Жуковский, политолог: «ЛСИ (...) принимает во внимание только тех, кто точно знает, за кого будет голосовать. Второй центр учитывает и мнение не определившихся (...) ГфК исключает из опроса тех, кто говорит, что не пойдет голосовать, а ЛСИ спрашивает о партийных предпочтениях всех подряд (...) «Полонию» интересуют прежде всего предпочтения тех, кто хорошо ориентируется в политике, в то время как ЛСИ учитывает и мнения людей, не слишком интересующихся политикой». («Жечпосполита», 9 марта)

• «ПиС хочет создать [парламентскую] следственную комиссию по изучению работы Польского национального банка (ПНБ) (...) Кроме Лешека Бальцеровича под лупой могут оказаться бывшие президенты ПНБ Гжегож Вуйтович и Ханна Гронкевич-Вальц (...) Анджей Топинский, бывший президент банка ПКО БП и председатель Союза польских банков предостерегает: «Мы уже расплачиваемся за безответственные заявления политиков относительно ПНБ. В течение недели курс злотого по отношению к евро упал на 10 грошей. Соответственно вырос внешний долг, из-за чего страдает бюджет. Потери понесла биржа, уменьшились накопления миллионов поляков»».
(«Газета wyborcza», 13 марта)

• Депутат от ГП Ханна Гронкевич-Вальц своим — своим коллегам по Сейму, выступающим против Лешека Бальцеровича: «Вы не понимаете ни демократии, ни свободного рынка, ни — не побоюсь этого сказать — либеральной экономики, такой, какая функционирует в США или Великобритании, где безработица составляет всего 5% и куда наши сограждане вынуждены ездить на заработки. Не понимаете вы и Евросоюза — вы хотите от него только денег, но не чувствуете себя обязанными соблюдать европейские законы. Кстати говоря, этими деньгами вы тоже не умеете распоряжаться». («Жечпосполита», 11-12 марта)

• «В Польше обнаружен опасный вирус H5N1».
(«Жечпосполита», 7 марта)

• Анджей Крушевич, орнитолог: «Нами уже давно овладела истерия. Это правда, что вирус птичьего гриппа настолько мутировал, что в определенных условиях может угрожать человеку, — например, если кто-нибудь будет много часов подряд дышать зараженным воздухом, работая в курятнике с больными птицами или утилизируя мертвых птиц. Однако для этого нужна очень солидная порция вируса! В нормальных условиях, столкнувшись с больным лебедем или уткой, человек заразиться не может. Несмотря на это, шум поднялся невероятный (...) В телевизионных информационных программах показывают, как птиц сжигают или закапывают живьем, гусей несут, взяв за шею, пакуют в мешки и бросают в грузовики (...) Результаты не заставляют себя ждать. Под Щецином уже нашли лебедей с отрубленными головами; мне рассказывали, что кто-то стрелял из ружья в птиц, прилетавших к кормушке (...) Однако среди удручающих итогов гриппозного помешательства появился и очень ценный момент: мы начали говорить о том, что, независимо от обстоятельств, птицы имеют право на спокойную жизнь и

спокойную смерть. Точно так же, как и мы». («Тыгодник повшехный», 5 марта)

- «Мы же не целуемся с этими утками», — смеется Ханна Леманская-Венгжецкая [из Варшавы]. И начинает перечислять, чего только люди не боялись: вируса Эбола, который должен был всех нас убить, СПИДа, SARS... Она считает, что зимой просто необходимо подкармливать птиц». (Дарья Дзевенцкая, «Газета wyborcza», 6 марта)

- «Жители Сольца-Куявского не боятся кормить лебедей и уток, плавающих по Висле. В подкарпатской деревне Макова крестьяне утверждают, что никакие запреты их не касаются. Куры должны бегать по двору. Хозяева из деревни Нивы-Вильчы близ Быдгоща тоже ежедневно выпускают своих кур и уток и говорят, что не боятся гриппа». («Суперэкспресс», 7 марта)

- «Если птица нагадит вам на голову, не надо впадать в панику. Нужно просто вымыть голову (...) Если вы подозреваете, что вступили в птичий помет, надо вымыть и продезинфицировать ботинки (...) Нужно мыть балконы. У голубей и воробьев есть иммунитет к H5N1. Уток и лебедей я на балконах еще не видел, так что мы в безопасности (...) Лучше на какое-то время отложить бутылку с яичным ликером — в спирте вирус не гибнет». («Суперэкспресс», 7 марта)

- «По инициативе варшавской городской охраны (...) три оборудованные специализированной техникой патрульные «экомашины» будут круглосуточно нести помощь животным (...) «Экопатрули» (...) занимаются защитой животных и предотвращением их бездомности, а также проверяют, гуманно ли обращаются с ними хозяева». («В месте» («В городе»), страница, печатающаяся одновременно в десяти районных газетах Варшавы, 9 марта)

Чеслав Милош

СТИХОТВОРЕНИЯ

КАМПО ДИ ФЬОРИ

В Риме на Кампо ди Фьори
Корзины маслин и лимонов,
Булыжник вином забрызган
И лепестками цветов.
Креветок розовых груды
На лотках у торговок,
Черного винограда
Охапки и персиков пух.
Здесь, на Кампо ди Фьори,
Сжигали Джордано Бруно,
Палач в кольце любопытных
Мелко крестил огонь,
Но только угасло пламя —
И снова шумели таверны,
Корзины маслин и лимонов
Покачивались на головах.
Я вспомнил Кампо ди Фьори
В Варшаве, у карусели,
В погожий весенний вечер,
Под звуки польки лихой.
Залпы за стенами гетто
Глушила лихая полька,

И подлетали пары
В весеннюю теплую синь.
А ветер с домов горящих
Сносил голубка́ми хлопья,
И едущие на карусели
Ловили их на лету.
Трепал он девушкам юбки,
Тот ветер с домов горящих,
Смеялись веселые толпы
В варшавский праздничный день.
Мораль извлекая, скажут,
Что римляне ли, варшавяне
Торгуют, смеются, любят
Близ мученического костра.
Другие, возможно, скажут
О бренности мира людского,
О том, что забвенье приходит
Прежде, чем пламень угас.
Я же тогда подумал
Об одиночестве в смерти,
О том, что, когда Джордано
Восходил на костер,
Не нашел ни единого слова
С человечеством попрощаться,
С человечеством, что оставалось,
В человеческом языке.

Спешили хлебнуть винишка,
Торговать мясом осьминогов,
Корзины маслин и лимонов
Плыли в шуме толпы.
И он был от них далеким,
Как будто прошли столетья,
А им и мгновенья хватило
Взглянуть на последний взлет.
И эти — одни в своей смерти,
Уже забытые миром.

Как голос дальней планеты,
Язык наш уже им чужд.
Когда-то всё станет легендой,
Тогда, через многие годы,
На новом Кампо ди Фьори
Поэт разожжет мятеж.

Варшава — Страстная неделя, 1943

Перевод Натальи Горбаневской

БЕДНЫЙ ХРИСТИАНИН СМОТРИТ НА ГЕТТО

Пчелы обживают красные потроха,
Муравьи обживают черные кости,
Начало распарыванья и растаптыванья шелка,
Начало дробленья стекла, дерева, меди, никеля,
серебра,
Воздушного гипса, струн и духовых инструментов,
хрусталя —
Пых! Фосфорическое пламя с желтой стены

Облизывает волосы людей и животных.

Пчелы обживают каморки легких,

Муравьи обживают белые кости,

Не выдерживает бумага, резина, шерсть, мешковина,
лен,

Материя, хрящ, клетчатка, проволока, змеиная кожа,

Занялась и осела крыша, стены, оплавлен фундамент,

Осталась вытоптанная, песчаная, с обугленными
стволами без листьев

Земля.

Роя туннель, медленно движется крот-охранник

С маленькой красной мигалкой на лбу.

Обследует закопанные тела, считает, пробирается
дальше,

Различая человеческий пепел по цвету окалины,

Пепел каждого по радужным испареньям.

Пчелы обживают алые колеи,

Муравьи обживают след моего тела.

Боюсь, очень боюсь жандарма-крота.

Его мешков под глазами, как у патриарха,

Сиживавшего часто при блеске свечей,

Почитывая великую книгу судеб.

Что скажу ему — я, Жид Нового Благовещения,

Две тысячи лет надеющийся на возвращенье Христа?

Мой изувеченный труп откроется его взору,

Дав повод числить меня среди прислужников смерти:

Необрезанных.

Перевод Сергея Морейно

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, ЧТО ОСТАЕТСЯ

Неопубликованная беседа Яна Блонского, Чеслава Милоша, Ежи Туровича и Марека Эдельмана в связи с 50-й годовщиной восстания в варшавском гетто

*

Публикуемая беседа была записана на магнитофон, по всей видимости, в 1993 г. в библиотеке издательства «Знак». Запись делалась с мыслью использовать ее в документальном фильме о возвращении Чеслава Милоша на родину, но не была включена в фильм по техническим причинам, а кассета с записью «утонула» в домашнем архиве.

Я нашла ее случайно два года назад [в 2003 г.], еще при жизни Чеслава Милоша, списала текст и дала ему на авторизацию. По этому случаю мы с ним говорили о разных вариантах стихотворения «*Campro di Fiori*». Тема восприятия этого стихотворения волновала его не меньше, чем за десять лет до этого.

В начале разговора Чеслав Милош, Ян Блонский и Ежи Турович обсуждают разные варианты «*Campro di Fiori*». Автор склонен считать, что на читателя сильнее воздействует первый вариант, напечатанный в подпольном сборнике «Из бездны. Стихотворения» (ред. Е.Вайделота [Т.Сарнецкий], Варшава, ЕКН [Еврейский национальный комитет], 1944). В сборнике «Спасение» (1945) поэт поместил «модифицированный» вариант текста, который, вопреки мнениям, высказанным в ходе данной беседы, признал окончательным и обязательным, включив его в первый том «Стихотворений», критического издания, подготовленного издательством «Знак». Как говорится в редакторском примечании, текст стихотворения особо обсуждался с автором. Для постороннего читателя различия двух вариантов не так уж сильны; автор придавал им такое большое значение, думаю, не по формальным или художественным причинам. Тема восстания в гетто оставалась для него чрезвычайно важной и болезненной до конца жизни.

Иоанна Громек-Ильз

Ян Блонский: Среди стихотворений Чеслава Милоша есть одно, занимающее особое место в творчестве поэта, — «*Campro di Fiori*». Особое, потому что это первый отклик польской

литературы на Катастрофу и на восстание в варшавском гетто. Восстание заставило людей осознать, что цель немцев — тотальное истребление евреев. Еще и тем необыкновенно это стихотворение, что это вообще один из немногих откликов польской литературы на эти страшные события. Оно основано на контрасте между каруселью, на которой люди веселились у стены гетто, и немецкой осадой повстанцев, боями, идущими за стеной. Построенное на этом контрасте стихотворение говорит также об одиночестве всех погибающих, возвращается к Джордано Бруно, сожженному на костре. Могли бы мы узнать, какое конкретно событие побудило поэта написать «Campo di Fiori»?

Чеслав Милош: Это стихотворение, как и некоторые другие, порожденные нравственным возмущением, гневом, было исторгнуто из меня ходом обстоятельств. Я ехал к Ежи Анджеевскому, который жил на Белянах. Трамвайная линия проходила как раз там, где стояла карусель и где были слышны выстрелы обороняющихся повстанцев. Был трамвайный затор, и я долго смотрел на то, что там делалось. Под натиском эмоций я сразу написал эти стихи. Анджеевский написал рассказ «Страстная суббота». В доме Анджеевского находились евреи, которые переживали, что они не в гетто. Анджеевский показал эту ситуацию в своем рассказе. Мои стихи были напечатаны в маленькой антологии «Из бездны», которая вышла через год после восстания в гетто, в апреле 1944 г., и потом сразу были перепечатаны в Нью-Йорке.

У стихотворения были разные варианты, так как я потерял контроль над переписывавшимися и расходившимися копиями. Есть такая книга Натана Гросса «Поэты и Шоа. Образ уничтожения евреев в польской литературе» — там, в главе «История одного стихотворения», показано, как расходились различные варианты. Я переписывался с автором, слегка защищая другие варианты. Но наконец, когда Гросс был этим летом в Кракове, я после разговора с ним согласился, что первый вариант был правильнее, а моя позднейшая поправка — ненужной. Я это признал.

Какой вариант был первоначальным? Тот, что напечатан в сборнике «Из бездны» еще во время войны; следующий вариант появился в антологии «Песнь уйдет спасенной», составленной Михалом Борвичем сразу после войны. После разговора с Натаном Гроссом я в позднейших изданиях восстановил первоначальный текст. В чем состояла разница? За несущественными мелочами, довольно существенное изменение касалось строк о Джордано Бруно^[1]:

Я, однако, тогда думал
об одиночестве погибающих,
о том, что когда Джордано Бруно
восходил на леса [т.е. на костер],
не было в человеческом языке
ни одного выражения [= слова],
чтобы он что-то сумел сказать
человечеству, которое остается.

В первоначальном же варианте было:

...не нашел ни на одном языке
ни одного выражения,
чтобы им попрощаться с человечеством,
с тем человечеством, что остается. ^[2]

Этот первый вариант сильнее, правда?

Ян Блонский: Куда сильнее, естественно.

Чеслав Милош: И я это восстановил. Кроме того в самом конце Гросс усомнился в варианте:

И эти, погибающие, одинокие,
уже забыты миром
Язык наш стал им чужим [= чужим, чуждым, но
также иностранным],
как язык давней планеты.

В некоторых вариантах: «язык их стал нам чужим».

Пока все не станет легендой,
и тогда, через много лет,
на новом Кампо ди Фьори
бунт разожжет слово поэта.

Он напомнил, что в первоначальном варианте было:

на великом Кампо ди Фьори

бунт разожжет слово поэта.

Это лучше, правда?

Ежи Турович: Разумеется.

Ян Блонский: Это значит, что весь мир — Кампо ди Фьори, и поэт разожжет бунт во всем мире. Однако содержание этого стихотворения подвергалось сомнениям — например, некоторые утверждали, что этих каруселей не было. Я, хоть и был маленьким мальчиком, видел эти карусели, когда ходил пешком из Старого города на Жолибож. Отлично помню карусель, стоявшую у стены гетто: возле нее играла шарманка, а из-за стены были слышны выстрелы.

Чеслав Милош: Очень странное чувство — быть поэтом, который написал такое стихотворение, как бы исторгнутое из него, как бы наперекор его прежнему творчеству. Я не хочу изображать из себя моралиста, человека, который судит других. Разумеется, я ощущаю себя написавшим эти стихи. Но они были исторгнуты из моей судьбы, правда?

Ян Блонский: В этом стихотворении ты говорил об одиночестве погибающих. Это сразу ставит некую проблему: обращено ли это стихотворение в каком-то смысле против польского общества с обвинением в равнодушии? Евреи здесь покинуты, оставлены в одиночестве. Любопытно, как ты, Чеслав, это видишь и как вы (Мареку Эдельману) это видите?

Чеслав Милош: Для меня одиночество было тут важнейшим элементом. Одиночество погибающих. Отсюда, кстати, и взялся этот образ Джордано Бруно. Я не знаю, откуда он пришел — тут не было ничего философского, не то чтобы Джордано Бруно был для меня героем борьбы за свободу мысли. Я помню Кампо ди Фьори, то место, где Джордано Бруно сожгли, и то неустанное движение торгующей человеческой массы, веселящейся рядом.

Ян Блонский: Меня интересует, дошло ли это стихотворение до евреев и когда?

Марек Эдельман: Это не так просто. Дошло, но не сразу. Однако вернемся еще к карусели — это с самого начала безумно важный вопрос. Потому что это было так: надо отдавать себе отчет в том, что, например, власти польского подпольного государства, подчинявшиеся Лондону, и даже

коммунистические — не хотели восстания в гетто. Они боялись, что это восстание перекинется на всю Варшаву. И генерал Грот^[3], не стесняясь, сказал: «Господа, этого восстания не будет, так как мы вам не поможем, мы боимся. Слишком рано». У нас с ним никогда не было прямого контакта. Были два посредника: начальник еврейского сектора АК Генрик Волинский и Александр Каминский^[4], автор «Камней на редут»; они были нашими доверенными лицами. В этом трагическом разговоре между АК и Еврейской боевой организацией, который шел через посредников, было сказано: «Вы не можете это сделать». А во-вторых: «У нас к вам нет доверия, оружия у нас мало, и мы вам не дадим». Вот это было одно одиночество. Не буду рассказывать предысторию, когда различные группировки, ППС [Польская социалистическая партия] и другие, хотели поднять восстание, но все они были подвязаны под лондонскую философию: не начинать слишком рано. Не могу рассказать все эти ужасы: например, единственный револьвер, который был в гетто до начала восстания, был получен от коммунистов. Такой мерзкий коммунист Витольд Юзвяк^[5] принес в гетто свой револьвер. И первый выстрел был сделан из этого револьвера. Мы сами покупали оружие у немцев на Керцеляке и Праге за большие деньги. Это тоже было одиночество — никто нам не помог.

Одиночество началось намного раньше. 18 января раздались первые выстрелы в гетто и погибли два-три немца — это стало двигателем операции у Арсенала^[6]. Если б не то, что первый немец пал в открытом бою, этой операции никогда бы не было. Это говорят все — Каминский, Орша, — что ореол немецкой каски был уничтожен. Во время самого восстания АК нам уже помогала, давала оружие и т.п. Но поймите, АК мобилизовала три батальона напротив гетто, и на протяжении трех недель никто нам об этом не сказал. Они никогда не хотели поддерживать с нами связь. В первый день восстания в гетто эта карусель была, но не крутилась. Начала она крутиться только на второй день, и в этом было нечто трагическое. В окна было видно, как она крутится, шарманка играет, юбки у девушек, красные и голубые в горошек, развеваются на ветру. Это мы видели из окон, и это было нашим проклятьем. Тут горит и убивают, а там все смеются и веселятся.

Ян Блонский: Это ужасающая картина. Здесь возникает проблема одиночества, проблема какого-то исторического отстояния, проблема непонимания, расхождения польского и еврейского общества...

Марек Эдельман: Это не проблема расхождения. Надо бы посмотреть на это совершенно иначе. Во время оккупации люди, закрытые в гетто, были людьми второго сорта. Не только для немцев, а для всех. Если четыреста тысяч людей можно закрыть, если их могут есть вши, если они могут умирать с голоду и ничего не могут поделать, то это недочеловеки. Кстати, Рузвельт так прямо и сказал делегации, которая пришла к нему: да, это правда, что их уничтожают, но не пишите, что убили сто тысяч — эта цифра никого не трогает. Напишите, что маленькую Машу, длинноносую и большеглазую, убили два немца. Это подействует на умы. Но когда погибают тысячи, тысячи каждый день, на глазах у людей, — это становится банальностью.

Чеслав Милош: Немцы хотели, чтобы жертвы не считались людьми. Помню, когда в Варшаве закрывали гетто, то на стенах были надписи: «Евреи, вши, сыпной тиф», — эти слова соединялись подряд.

Ян Блонский: Стихотворение «Campo di Fiori» было не только воздаянием почестей или выражением ужаса — оно ставило также вопрос об отношениях между польским и еврейским обществом.

Марек Эдельман: Эти стихи были таким же знаменем, каким была «Воздушная тревога» Антония Слонимского в 1939 году. Я получил стихотворение Милоша случайно от Мицнера, который занимался вопросами перепечатки. Несмотря на большие трудности мы послали копию стихов в лес [еврейским партизанам]. И что же эти парни, которые погибали от рук тех или иных, не будем говорить об этом в подробностях, — сказали? «Наконец-то нас кто-то заметил». Это было самое главное. Гайцы не написал бы такого стихотворения, понимаете? Это был хороший поэт, но никогда таких стихов не написал бы, потому что он презирал этих людей. Вы понимаете, о чем я говорю? Мы искали людей, которые нас не презирают. Мы были грязные, вшивые, и все-таки каждый говорил и думал как человек.

Чеслав Милош: Я сказал, что эти стихи были из меня исторгнуты, но, разумеется, моя довоенная политическая позиция существенно влияла на то, что я писал во время оккупации. Когда идеализируют довоенную Польшу, то забывают, например, о деятельности желтой прессы, об антисемитских движениях, о журнале «Просто з мосту»^[7]...

Марек Эдельман: О великих поэтах...

Ян Блонский: Это все знают. Но глобально надо сказать, что если бы все поляки так относились к евреям, как поэты, то все было бы не так плохо. В этой профессии было сравнительно мало антисемитов.

Марек Эдельман: Не хотел бы я быть солдатом у Гайцы...

Ян Блонский: Ну да, Гайцы был связан с ОНР-Фалангой^[8].

Чеслав Милош: Я, конечно, знал этих юношей, знал Гайцы и считал, что их идеи совершенно безумны. Но всегда предполагаешь, что они были очень молоды и если бы выжили, то переменили бы взгляды.

Ежи Турович: Я считаю, что, независимо от своей художественной ценности, это стихотворение Чеслава Милоша имело огромное значение, потому что впервые затронуло самую суть вопроса об отношении польского общества к массовому уничтожению евреев.

Марек Эдельман: А не самую суть вопроса о жизни?

Ежи Турович: И это тоже. Но я говорю о другом — о том, что и по сей день остается злободневным и поднимается в дискуссиях и полемике. Мы знаем, что даже сегодня поляков, польское общество обвиняют в доле ответственности за массовое уничтожение евреев. Говорят, что лагеря массового уничтожения возникли в Польше, потому что поляки были антисемитами. Мы знаем, что это обвинение несправедливо. Лагеря уничтожения были устроены в Польше, потому что здесь было крупнейшее в Европе сосредоточение евреев, и, раз они были предназначены на уничтожение, то перевозить их куда-то не имело смысла. Во-вторых, немцы хотели все-таки по мере возможности сохранить это в тайне от западного мира, а Польша была отделена от Запада Третьим Рейхом.

Зато, разумеется, если бы мы захотели сказать, что на поляках не лежит доля ответственности, то вопрос не так прост. Знаменитая статья Яна Блонского «Бедные поляки смотрят на гетто», опубликованная в «Тыгоднике повсехном» и тоже обращающаяся к стихотворению Милоша, показывает вину значительной части польского общества, состоящую в равнодушии. Мы знаем, что люди, восприимчивые к чужому несчастью, люди, которые пробовали что-то делать, спасти евреев, были в меньшинстве. Зато немалая часть общества сохраняла равнодушие, мотивируя это либо словами: «Это нас не касается», — либо так: «Немцы истребляют евреев, но нас тоже истребляют». Они проводили это сравнение, но

сравнивали совершенно несравнимые ситуации — несмотря на все жертвы, понесенные польским народом. Или даже так: «Теперь истребляют евреев, а потом истребят нас». Тому, что это суждение верно, тоже нет доказательств. Карусель у стены гетто была крайне красноречивым образом этого равнодушия. Впрочем, если бы ее и не было, это вовсе не означает, что удалось бы спасти больше евреев. Может быть, и больше, но все равно немногих. Потому что какие же были возможности спасти евреев, скажем, в восточной Польше, в маленьком местечке, где было 80% евреев, хасидов, часто не говоривших по-польски? Там возможности спасения были близки к нулю. Огромное большинство общества было действительно бессильно и беспомощно. Но равнодушие — не говоря уже о крайних случаях, надеюсь, все-таки немногочисленных, о людях, которые были довольны, что руками Гитлера еврейский вопрос в Польше будет решен, — это равнодушие остается какой-то виной. И думаю, что стихотворение «Campo di Fiori» показало, какого рода вызов бросает массовое уничтожение евреев совести — и христианской, и человеческой совести как таковой.

Ян Блонский: Я думаю, что это еще сильнее видно в другом стихотворении Чеслава Милоша того же периода и тоже посвященного евреям — «Бедный христианин смотрит на гетто». Эти стихи в первый момент выглядят весьма загадочными, потому что представляют картину руин, в которых лежат убитые — среди развалин, среди остатков своего жилья. В этом странном подземелье, в этом Аиде появляется сторож-крот с маленьким фонариком на лбу. Поэт сравнивает этого крота с патриархом, то есть это как будто кто-то, явившийся с того света, — может, пророк, может, еврейский пророк. И теперь он считает, считает, смотрит, он всё знает и смотрит, лежат ли там только обрезанные или вместе с ними и необрезанные. А необрезанные — это немцы. Тот, кто все это говорит, герой стихотворения, страшно боится, что он тоже мог бы там лежать и тогда патриарх счел бы его тоже за немца, за палача, за убийцу...

Чеслав Милош: Деление на христиан и евреев...

Ян Блонский: Он опасается, что его как христианина могли бы зачислить в помощники смерти.

Чеслав Милош: Вполне.

Ян Блонский: Для меня это стихотворение было, пожалуй, еще более поразительным, чем «Campo di Fiori». В «Campo di Fiori»

есть такой блеск, это «итальянские» стихи, а «Бедный христианин» затрагивает сильнее.

Чеслав Милош: Должен сказать, что у меня есть некоторые трудности нравственного порядка. Я гляжу на этот вопрос с другой точки зрения, потому что живу постоянно не в Польше, а в Америке. Во всяком случае до недавних пор жил. На авторских вечерах в Америке я не читаю эти стихотворения из-за общераспространенного там мнения, что поляки — антисемиты. Читать эти стихи — это в некотором роде подыгрывать американцам. Эти мои чувства можно считать угрызениями совести либо нравственного, либо эстетического порядка. И, глядя с американской точки зрения, я пытаюсь понять, что думают о тех временах люди в Польше. Я не могу понять феномен антисемитизма без евреев, не могу этого в Польше понять.

Для того, чтобы читателю было ясно все обсуждаемое, отрывки из «*Campro di Fiori*» в тексте беседы приводим в дословном переводе. — Здесь и далее прим. Н.Горбаневской.

Читатель может заметить, что в моем переводе эти четыре строки соответствуют скорее первоначальному варианту. Между тем, переводя в 1982 г. стихотворение, я о вариантах ничего не знала, пользовалась же лондонским изданием стихов Милоша конца 60 х (еще в Москве полученным мною от автора). Видимо, по крайней мере в этом издании поэт восстановил эти строки так, как они были написаны с самого начала.

Генерал Стефан Ровецкий («Грот») — командующий Армией Крайовой. Арестован и расстрелян в 1943 году.

Александр Каминский (1903–1978) — многолетний деятель харцерского (скаутского) движения, где до войны он, в частности, возглавлял сектор дружин национальных меньшинств и ЦК Союза еврейских харцерских дружин. В АК был редактором ее главного печатного органа — «Информационного бюллетеня», начальником организации малого саботажа. Книга «Камни на редут» издана подпольно в 1943 г. под псевдонимом. В 1947–1956 гг. подвергался политическим гонениям.

Францишек Юзвяк («Витольд») (1895–1966), коммунист, в 1939–1942 гг. в СССР, в 1942–1944 гг. начальник штаба коммунистической Гвардии Людовой, ставшей затем Армией Людовой (но оставшейся в сравнении с АК весьма малочисленной), член секретариата ЦК ППР (Польской рабочей

партии); в 1948–1956 гг. член политбюро ЦК ПОРП, в 1944–1949 гг. главный комендант гражданской милиции, а с 1945 го — замминистра госбезопасности; до 1956 г. занимал другие крупные партийные и государственные посты.

18–21 января немцы начали проводить второй этап депортации населения варшавского гетто и, впервые натолкнувшись на вооруженное сопротивление, прервали его, не доведя до конца.

Журнал крайне правой национал-демократической ориентации.

Возглавляемая Болеславом Пясецким полуфашистская организация, отколовшаяся от крайне правых сил и до войны подвергшаяся запрету. Во время оккупации к ОНР-Фаланге были близки молодые варшавские поэты из группы «Искусство и нация»: Тадеуш Гайцы, Анджей Тшебинский и др. (подробнее о них см. «Новую Польшу», 2004, №10).

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.
- 6.
- 7.
- 8.

Владислав Шленгель

ОКНО НА ТУ СТОРОНУ

Окно мое — на ту сторону,
еврейские наглые окна,
на парк прекрасный
Красинского,
где листья осенние
мокнут...

Под вечер серо-сиреневый
шлют ветки поклон
поблёкло,
и смотрят деревья
арийские
в мои еврейские стекла.

Стоять у окна не положено
(и правильно запретили)
кроты... червяки
еврейские...

обязаны быть слепыми.

Пуškai по норам усядутся,
в работу уставясь оком,
и прочь от глазеня на
улицу

и от еврейских окон...

А я... когда ночь
опускается,

стерев и фонтан, и аллею...

кидаюсь к окошку
темному

глядеть... и жадно глазею...

Ворую Варшаву угасшую,
невнятного шума охапки,
домов и углов очертания
и башенок дальних
культяпки...

Краду силуэты ратуши,
топчу тротуар
Театральной,
и месяц-вахмайстер
выставлен

на стрёме
сентиментальной...

Впивается взгляд
прожорливо,

как ножиком, ночи в
горло,

в варшавскую полночь
молчащую,

в мой затемненный
город...

Когда ж нагляжусь
достаточно

на завтра, а может, на
доле...

прощаюсь с молчащим
городом

волшебным взмахом
ладони...

и тихо шепчу зажмурясь:

— Варшава, откликнись...
я чаю...

И все фортепьяно всех
улиц
подымают крышки
молчанья...
и сами на взмах
подымаются,
и тягот полны, и печалей,
и в ночь... полонез
шопеновский
плывет из сотни роялей...
Взывают ко мне
клавикорды
в тишине, среди мук
занемелых,
плывут среди ночи
аккорды
от клавиш смертельно-
белых.
Конец, опускаю руки...
умолк полонез
оборванный...
И я умолкаю и думаю:
зачем мне окно на ту
сторону...

П
е
р
е
в
о
д
Н
а
т
а
л

ь
и
Г
о
р
б
а
н
е
в
с
к
к
о
й

ПАМЯТИ ЧЕСЛАВА МИЛОША

С полгода назад я получил по электронной почте удивительное письмо. Содержание его было деловое и само по себе ординарное — касалось сотрудничества с одним польским журналом. Удивительно было другое. Во-первых, то, что электронной почтой пользуется 92 летний старец. Во-вторых, что Чеслав Милош вообще вспомнил про это мое сочинение.

Со смертью Милоша в минувшую пятницу от нас ушел не только великий поэт, но и один из последних великих людей XX века. Его ранние воспоминания относились к I Мировой войне. Он был участником сопротивления в годы II Мировой войны. Свидетелем Катастрофы, о чем тогда же, в 1943 м, написал поразительное стихотворения «Бедный христианин смотрит на гетто».

Как и многие совестливые люди его поколения, он, видевший своими глазами нищету и социальную несправедливость в Европе 20-30 х годов, с надеждой отнесся к обещаниям социалистического общества, но он же раньше, чем многие, осознал подлинную сущность нового порядка, принесенного в его страну на советских штыках. В 1951 г. он оставил пост культурного атташе посольства Польской Народной Республики во Франции и стал политическим эмигрантом. На следующий год вышла его книга «Порабощенный разум».

«Слепящая тьма» Артура Кестлера, «1984» Джорджа Орвелла, «Порабощенный разум» Чеслава Милоша, «Истоки тоталитаризма» Ханны Арендт, «Новый класс» Милована Джиласа, «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына — это не просто книги, это идеологические битвы. В этих баталиях на одной стороне была мощнейшая в истории человечества пропагандистская машина, поддерживаемая не только пятой колонной купленных «деятелей рабочего движения» и «защитников мира», но и филистерским благодушием недалёковидного западного обывателя. На другой стороне — одинокий интеллигент, вооруженный только пишущей машинкой.

Было бы преувеличением сказать, что горстка интеллигентов сокрушила «империю зла». Она рухнула под собственной тяжестью, поскольку не имела другого основания, кроме лжи и насилия. Но кто знает, сколько бы еще она простояла и сколько

зла еще совершила, если бы не удары, нанесенные ей той славной когортой, к которой принадлежал Милош.

Не могу сказать, что я лично знал Милоша. Мне просто посчастливилось встретиться с ним несколько раз. Самая памятная для меня — первая встреча. Дело было зимой 1977 года. Я тогда еще и года не прожил в Америке, плохо разбирался в правилах здешнего этикета. Меня пригласили на прием в честь Чеслава Милоша в дом одного профессора Мичиганского университета и я, как мне потом деликатно намекнули, совершил *faux pas* — чуть ли не на целый час узурпировал почетного гостя. На таких мероприятиях полагается циркулировать, подойти с бокалом в руке, поприветствовать, поговорить пять-шесть минут и дрейфовать дальше.

Но, клянусь, я не один виноват, Милош тоже! Он что-то спросил меня о новых стихах нашего общего друга Иосифа Бродского. И я, отвечая, назвал имя Льва Шестова, поскольку как раз тогда впервые осознал, до какой степени мироощущение и даже стиль Бродского связаны с экзистенциализмом Шестова. Оказалось, что в интеллектуальном пантеоне Милоша Шестов — тоже одна из главных фигур. И Милош заговорил о Шестове, Бродском, русской и польской поэзии, я заслушался. Хозяин дома бросал на меня многозначительные взгляды и давал круги, если воспользоваться стихом Бродского, «как молодой дельфин вокруг хамсой наполненной фелюки».

Я тогда заканчивал аспирантуру Мичиганского университета и вскоре после этой встречи делал доклад об отношениях Пушкина с Мицкевичем. Как известно, «Медный всадник» был в значительной степени откликом на петербургские главы поэмы Мицкевича «Дзяды». Как мне тогда казалось, оригинальной в моем докладе была мысль о том, что именно поэтическая полемика двух поэтов дала толчок развитию психологического реализма в русской литературе. Я показал доклад Милошу. И вот, как пишут в романах, прошло четверть века... В девяносто два года Милош помнит это мое сочинение и пишет мне из Кракова, чтобы я послал его в варшавский журнал!

Я разыскал старый доклад и решил его в Польшу не посылать: слабое сочинение. Вместо этого мне захотелось послать Милошу одно стихотворение, но я все не решался. Теперь решаюсь. Это вольное переложение на русский его «Песенки о конце света», написанной шестьдесят лет тому назад, на руинах Варшавы.

В день, когда наконец наступил конец света,

Пчела кружилась над головкой клевера,
Рыбак чинил поблескивающую сеть,
Под желтым парусом шла шхуна с севера
И голос скрипки продолжал висеть
В вечернем воздухе. Переругивались, припрыгивали
И в луже дрызгались лихие воробьи,
А на углу друг дружку перекрикивали
Торговки, овощи нахваливая свои
В день, когда наконец наступил конец света.

А те, кто ждали грома, молнии, знамения,
Земли разверзнутой, архангела с трубой,
Высказывали разочарование и сомнение:
Не может быть, он должен быть совсем другой —
День, когда наконец наступил конец света.

Не может быть, что мир совсем кончается,
Когда алкаш на травке спит с улыбкой до ушей,
Когда пчела на клевере качается
И бабы розовых рожают малышей.

Это еще не день, когда наконец наступил конец света.

А старику-пророку нынче не пророчится —
На огороде дел не перечесть!
И он ворчит: ну, а чего вам еще хочется?
Тут верь не верь, а это он и есть.

И другого конца света вам не будет.

И другого конца света вам не будет.

ВСТРЕЧИ С АЙГИ

Когда я увидела Геннадия Айги, мне было 13 лет. Для всех участников этой встречи она была неслыханно важной. А я горжусь, потому что два года спустя Геннадий Айги прислал мне тоненький листок с посвященным мне стихотворением «Уроки польского». Не так ведь много в мире девочек, которым великие поэты посвятили стихи.

Встреча состоялась в Таллине, куда мы с родителями приехали весной 1971 года. Это была первая поездка моих родителей в СССР после возвращения из Москвы в 1956 году (в 1952–1956 гг. они учились в аспирантуре, мой отец — в том же Литературном институте, что и Айги). Мой отец, поэт Виктор Ворошильский, был «невъездным». Его отход от коммунизма начался именно во время пребывания в СССР, а окончательным фактом стал после увиденного воочию венгерского восстания. Это для советских властей было неприемлемым. Родители задумали экскурсию так, чтобы не приближаться к Москве и вообще к России. Может быть, поэтому нам удалось получить приглашения из Вильнюса и Таллина — в те времена нужно было иметь приглашение из каждого города, где останавливались, — а в Гродно, родном городе отца, мы остановились на один день нелегально. Но это уже другая история.

Родители заставляли меня вести дневник путешествия, что я, к моему большому сожалению, делала неохотно. Однако след этой встречи остался: «На лестнице мы встретили господина Айги. Мы вместе пообедали дома. Вечером родители пошли с Айги в ресторан в гостиницу «Таллин», а я пошла спать» (30 марта 1971).

Я помню эту встречу на лестнице. Я тогда почувствовала, что между ними — моим отцом и Айги — существует какая-то необычная связь. До этого я многократно слышала фамилию Айги и знала, что это друг. Айги приехал специально повидаться и пообщаться с отцом. Он остался с нами в Таллине пять дней, до нашего отъезда.

В Москве они были просто знакомыми. Начало их дружбе положила поэзия: в 1962 г. Айги прислал отцу с okazji свои стихи; это было уже после решения перейти с чувашского на русский. Стихи поразили отца. Они не были похожи ни на что

известное ему в русской поэзии. Он перевел и опубликовал стихотворение «Снег» — и это была первая зарубежная публикация, открывшая Геннадию Айги, как потом оказалось, путь к мировой славе. Признание у себя на родине пришло гораздо позже. Сам Айги всегда, при любом случае, об этом говорил и писал. Просматривая полку с публикациями Айги, я нашла буклет, изданный в Чувашии в 1986 г. (Чувашия первая его оттолкнула, обвинив в эстетизме и пессимизме, и первая приняла обратно), надписанный: «Любимому моему Виктору — моему первооткрывателю доброму, Первому в дружбе, в общности надежд и терпенья!.. — братски Айги (2 II 1987)».

В только что вышедшей антологии переводов из русской поэзии, сделанных моим отцом, об Айги он написал: «Главным в этом приключении, которое тогда началось, было соединение братскими узами с интенсивной, оригинальной, богатой личностью героического поэта и незаурядного человека». Дружба развивалась, хотя они не могли повидаться: «...мы переписывались, посылали друг другу (пользуясь посредничеством доброжелательных путешественников) стихи, книги и даже картины, но между нашим прощанием в Москве в 1956 г. и нашей следующей встречей «вживую» прошло 15 лет, а до следующей встречи — еще 19. Однако это было настоящее общение, сотрудничество и помощь друг другу». Достаточно вспомнить лишь один пример: мой отец написал биографию Маяковского (1965), хотя у него не было возможности пользоваться архивами и библиотеками в Москве. В той же антологии он записал: «...больше всего я обязан большому знатоку русского авангарда Геннадию Айги, который приложил огромные, особые усилия, чтобы находить и тайно пересылать в Варшаву просто бесценные материалы». Стоит помнить, что это было время «докомпьютерное», и даже ксероксов не было в употреблении.

Я тоже принадлежала к числу тех путешественников, которые возили в обе стороны разнообразные послания поэтов. Меня окружают следы этих встреч: картины, подаренные Айги, чувашские скатерти, кухонные передники, надписанные Геннадием Николаевичем книги. В небольшом французском сборнике «Festivités d'hiver» (по-русски в СССР его тогда еще не печатали) Айги написал:

«Дорогой Наталии

родственной — Ворошильской

с чудесным Festivité —

с днем

(в Москве!)

ее рождения

Айги

26.IX.1978

У Юнны»

(я проводила тогда каникулы в Москве у другой приятельницы родителей, Юнны Мориц).

Участвовала я и в той встрече, которая состоялась через 19 лет после Таллина:

«И: наконец-то,

Через 19 лет,

с Виктором,

с Яной, Наташей,

с Галей: в Варшаве! —

О, счастье...»

Встреч было еще много: в Варшаве, Москве («Виктор, дорогой мой, с Возвращением в Москву!... — Ведь это чудо: Обнять Тебя — здесь!...»), Париже, Берлине, в деревне Денисова Горка, где была и я, и где мы, т.е. наша семья и семья Айги, праздновали его 60 летие. Для меня это была особенно важная встреча. Там я, поддавшись уговорам отца, взяла у Айги интервью (оно было опубликовано в «Русской мысли», а также в «Вензи» и — в сокращенном варианте — в «Тыгоднике повшехном»). Мы с Геннадием Николаевичем отправили всех гулять, а сами остались дома. Не знаю, кто больше волновался: я, проводившая первое в жизни интервью, или Айги, который очень старался, чтобы у меня получилось. Мы беседовали о его корнях, о судьбе, о языке, о поэзии, о польских мотивах и о многом другом. Польский вариант назывался «Без Норвида я бы не выжил», русский — «Поэзия нужна как ветер».

По случаю шестидесятилетия Айги Чувашский государственный университет готовил международную научную конференцию. Мой отец, тогда уже тяжело больной, знал, что не сможет поехать. Он подсказал, кого пригласить из

Польши из переводчиков, поклонников и в то же время знатоков поэзии его друга. Проблема состояла в том, что чувашки могли оплатить дорогу гостям лишь от Москвы. Будучи тогда заместителем директора Польского культурного центра в Москве, я устроила приглашенным в Чебоксары профессору Эдварду Бальцежану и Ежи Чеху встречи в нашем центре. Благодаря этому они смогли поехать потом на конференцию, на которую съехались «айгисты» со всего мира. Профессор Бальцежан описал наше путешествие в Чебоксары и Шаймурзино в «Айгиаде». Все это произошло в мае 1997-го г., а мой отец умер осенью 1996-го.

Последний раз я видела Геннадия Айги в Москве, в декабре 2005 года. Я надеялась обсудить с ним подробности его приезда на презентацию книги моего отца «Мои русские» — антологии его переводов русской поэзии. Однако за несколько дней до моего приезда Айги оказался в больнице. Мы с его женой Галей поехали его навестить. По дороге я узнала, что за болезнь приковала его к постели и поняла, что о приезде в Польшу уже не может быть речи. Геннадий Николаевич был в неплохом настроении, не вполне осознавал свое положение, строил планы на будущее. Восхищался прочитанными недавно в «Новой Польше», которую он высоко ценил, стихотворениями Петра Мицнера. Когда мы уходили, провожал нас, стоя в дверях больничной палаты. Потом мы еще раз разговаривали по телефону. Я позвонила уже из Варшавы сказать, что антология пошла в типографию. Айги это очень обрадовало. Тогда он уже знал диагноз. О своем состоянии говорил спокойно, не жаловался. Сказал, что старается брать пример с моего отца, который очень страдал, но умирал мужественно. К счастью, Геннадию Николаевичу не пришлось долго страдать. Он умер 21 февраля 2006 года.

После смерти моего отца многие, прощаясь с ним, писали о его необыкновенном умении дружить. Не знаю, унаследовала ли я это умение, но унаследовала многих из его друзей. Одним из них был Геннадий Айги.

Геннадий Айги

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

И: ЕДИНО-ОВРАГ

Памяти Кшиштофа Камиля Бачиньского

1

это спокойствие

ветр над оврагом Людьми-называться-бесстыдно-Оврагом

и наконец Сверх-достоинство-Бездна — да просто такое

спокойное

рухнуть-Достоинство: нет ничего означает Единство

(до степени этой до мига

договорением

ветр

над оврагом)

2

ветр

как дыханье уже без Чего-да-Кого говорим мы

духоподобье (подобье подобья)

Друга-глубин-первозданного-Аушвица — всеобщее-людского

Мыслителя-рвами

ветр

недоснившийся сон

чуя (и душу как кровь из младенца знаменами

рвя-и-крича в разверзаньи)

чуя-еда бесконечным собако-дыханием

кратер оврага

оврага

и только из жидкости-сущности-«жили-да-были»

этот обратный давно до-Кого-То (когда уже трупом

над всем отблистало

название! — блистает

бесследность — за тем отблистаньем)

о этот

обратный

не менее

Дождь

3

о тишина

я бесстыднее не был

с тобой тишина

а вот так же со мной

ты тишина как дыхание

света-бессмертно-высокого

духа-Золы (вот такой красотой

истинной

ныне

ты есть

тишина)

4

ветр

мы закончили а из оврага

стыдно да вот же цветку же подобно
ветр будто лепет младенца-Бачиньского (вот вам цве-
точек-такой-иероглиф-могучего-сверх-совершенства
дрожанье — теперь-то дошло как раненье ребенка
бесстыдное тонкостью)
ветр
над оврагом
закончили
даже клейма совершенства сияющих травам да птицам
зубов-совершенств-Человечества-Бога-давно-Словоедов
даже и знака
какого-то
ветру
самой Пустотою
не всаживать не вzasверкать
(отблистанье
покрыло: и имени нет
чего-иль-кого-Что-теперь-и-назвать-уже-пусто-и-позд-
но! — того: в отстраненье закрытом! —
лишь кости сияют скорей чем свет глаз над лицом!)
и бесточечно-и-раздробляюще-нечтотое
словоподобие
бесстыдства последнею тонкостью
рвя-Что-то-рвя! — и все тоньше и тоньше! —
закончили — ветр над оврагом
закончили

ветр

над оврагом

1984

УРОКИ ПОЛЬСКОГО

Н. Ворошильской

ясность Словацкого!

с чем мне сравнить? —

будто вижу я это

в памятном месте где летом когда-то

на склонах горы Аддала-Шухгельмеэр

зрение было мое вместо белой исчезнувшей яви

шиповника — цветшего за год до этого — зыбко-легко беспокоя

исчезновением

белого

в воздухе!.. —

ясность Словацкого! — память

о чистоте — за туманом забвенья:

мне (забываюсь

как будто

вдали беспокоюсь) столь зыбко? подобная —

месту т о м у отмененному

1973

ТВОЙ ДОМ — ТЮРЬМА!

Продолжение катынских записок

Петр Климов, 1910 г. рождения, член КПСС с 1940-го, с 1938 года работал в ОГПУ-НКВД Смоленской области дворником, потом вахтером у коменданта Стельмаха. Жил он в доме, вернее в бывшем помещении городской тюрьмы, около кинотеатра (примерно 150 метров от здания Смоленского КГБ). Именно Климов своими глазами видел расправу над польскими военнопленными и ксендзами весной 1940 го и рассказал леденящие кровь подробности. Изложу все по порядку. Я постучал в дверь «одиночной камеры» Климова и услышал раздраженный старческий голос: «Кто там, что надо?». Дверь открыл худощавый, с болезненным -страдальческим лицом старик. Показанное мною удостоверение сотрудника КГБ расположило к дальнейшему разговору. Весь разговор мною документировался и позже, почти без изменений, был опубликован в газете «Московские новости». Не без страха в глазах Климов поведал следующее: «...Я, помню, смывал кровь расстрелянных... мыл автомашины: полуторку и трехтонку. На них обычно грузили с помощью транспортера трупы расстрелянных, чтобы не носить на носилках. Этот транспортер соорудил Альхимович... был мастер на все руки. До этого трупы расстрелянных выносили из подвала НКВД на носилках... Подвал, где расстреливали, находится под зданием нынешнего УВД Смоленской обл. На ул. Дзержинского (третье окно). В маленькой подвальной комнатке был люк, голову клали на его край и стреляли в затылок... у одной из жертв, помню, был распорот живот. Стреляли... с вечера и вывозили в Козьи Горы, а возвращались к двум часам ночи. В автомашины погружали штабелями трупы, бывало по 30-40 человек в одну автомашину. Потом трупы накрывали брезентом и везли. Кроме шофера выезжали 2-3 человека и комендант.

...в Козьих горах было целое отделение (помню из них Белкина, Устинова), они закапывали расстрелянных, копали рвы. Они жили прямо в Козьих Горах. Эти рвы с трупами расстрелянных я сам видел в Козьих Горах. Это я знаю, так как сам видел трупы (присыпанные землей) поляков. Расстреливала их команда Стельмаха Ивана Ивановича. Поляков в этом рву (когда я посмотрел) было много, они лежали в ряд, а ров был метров 100 длинной... Тогда и после войны меня неоднократно Стельмах,

Рейсон, Гвоздовский и Грибов предупреждали, чтобы я молчал. ...польских военнослужащих расстреливали Стельмах... Грибов, Гвоздовский, Рейсон Карл. Они были самые заправилы при расстрелах... Часть священников польских была расстреляна в подвале НКВД Смоленска... Возил еще трупы Левченков, но его убил заключенный, который был, по-моему, поляком. Этот заключенный случайно остался жив и пробрался в оружейную комнату, а потом открыл огонь. [Его] три дня не могли убить (и водой заливали из пожарной автомашины), а потом его отравили газом... Мне за мойку автомашин от крови платили 5 рублей... тем, кто стрелял в людей, и тем, кто возил, давали спирт и закуску бесплатно. Они еще, помню, после расстрела мыли руки спиртом. Я тоже руки протирал спиртом... а закуску брали в столовой [НКВД]: колбаса, балык, осетрина и другие продукты».

Даже кремлевского пайка (в нищей стране) не пожалел Сталин для своих опричников из НКВД по такому случаю. Определение «пир во время чумы» здесь не подходит, точнее — пир во время резни.

Более того, Климов еще добавил, что «в то время, когда был расстрел поляков, и после, здесь, в Смоленске, в Козьих Горах, бывали Каганович Л.М., Шверник, еще помню, они глушили на Днепре рыбу. Отдыхал в Козьих Горах еще Ворошилов К.Е.». Видимо правы те, кто утверждает, что преступника тянет на место преступления...

Вот она, наша советская история, в которой, как сказал недавно умерший А.Яковлев, нет положительных примеров, а все только кровь и ложь. Видимо безрезультатные поиски «положительных исторических примеров» заставили В.Путина обратиться к событиям четырехвековой давности, ко временам Сигизмунда III и Гришки Отрепьева.

Для меня (а в дальнейшем для следствия) свидетельства Климова были важны тем, что он был не только очевидцем, но и участником этого преступления — это ясно из приведенных им подробностей расправы. Чувствовалось, что страх помешал ему подробнее рассказать о своем личном «вкладе» в это преступление сталинизма. Из бесед с этим свидетелем стало ясно, что польских пленных офицеров расстреливали не только в тюрьме НКВД г. Смоленска, но и непосредственно в Катынском лесу (т.е. в Козьих Горах).

Выйдя от Климова (из здания бывшей тюрьмы) на свет Божий, я не радовался светившему солнцу, мне было тошно от «родной» истории, от запаха параши в этих бывших камерах,

который, наверно, никогда не выветрится и которым президент Путин хочет заставить нас гордиться, называя все это «героическим прошлым».

Позже, размышляя о судьбе этого рядового исполнителя преступной воли Сталина и политбюро, я ловил себя на мысли, что Климов жил так, потому что знал, где ему и ему подобным место. Он сам себя осудил и приговорил к одиночной камере, сознавая, что заслуживает суровой кары. Это последнее можно было прочитать и в испуганных глазах Бороденкова, Титкова и других найденных мною свидетелей.

Но меня тогда больше беспокоило то, что старики начали один за другим умирать, а прокуратура России не спешила их допрашивать в качестве свидетелей. Как мы теперь видим, она вообще со следствием не спешила... А по результатам следствия, объявленным весной 2005 г. главным военпрокурором России А.Савенковым, это чудовищное преступление названо «превышением служебных полномочий». Российская прокуратура сейчас сама совершает на наших глазах служебное преступление — не реабилитируя репрессированных польских офицеров. Поэтому я не удивился, когда прочитал результаты опроса общественного мнения: 96% граждан России считают прокуратуру РФ бесчестной. К этому уже ничего не прибавишь — это приговор русского народа. Все эти извращения права и морали еще несомненно получают свою оценку в международном суде, но есть еще Высший Судья над нами!

Кто-то из приехавших в феврале 1990 г. поляков подарил мне скромный маленький значок с надписью «Солидарность», каких много продавали в каждом польском киоске, но у меня было такое ощущение, что награжден я по меньшей мере орденом. Столько чувств стояло за этим словом, столько перемен и надежд... Помнится, я как ребенок радовался этому значку и всем знакомым показывал, пока его у меня кто-то не стащил. По «наводке» корреспондента «МН» Геннадия Жаворонкова меня наконец «вычислили» люди из «Солидарности», и теперь мне не надо было ходить за польскими туристами — говоря словами Иоанна Павла II: «...я их искал, а они сами пришли...» Пришли они не просто, а от имени самого Анджея Вайды. Среди них был известный режиссер-документалист Марцель Лозинский с целой киногруппой и съемочной аппаратурой, был Марек Новаковский, Стефан Бартош из Минска. Помогал им правозащитник из «Мемориала» Алексей Памятных, который при случае был и переводчиком, так как хорошо владеет польским языком. Да, еще с ними была очень милая и

культурная пожилая женщина, которая меня подробно расспрашивала о судьбе пленных польских офицеров. Приехавшие мне сказали, что ее отец-офицер погиб в Катыни. Она меня несколько раз сердечно благодарила за поиски свидетелей преступления. Для меня это была неоценимая моральная поддержка в атмосфере всеобщей травли, устроенной мне в КГБ Смоленской области. Я показал им, где живут свидетели, и Лозинский снял фильм (который позже получил награду на кинофестивале).

Я, как ни странно, переживал не из-за того, что мне достанется от КГБ за несанкционированную встречу с иностранцами, а из-за того, что у меня дома был пустой холодильник и полторы тарелки супа в кастрюле. Жена моя Галина стояла несколько часов на морозе за колбасой (вареной), но перед самой кассой продавец объявил: «Дамы и господа, колбаса кончилась». В связи с этим неожиданных гостей я потчевал чаем и печеньем (купленным на талоны). «Масла в огонь» подлил Лозинский (видимо, подозревая меня в скупости) — начал рассказывать, как какие-то русские его хорошо приняли и сытно накормили...

Но все это были только «цветочки». Вскоре после приезда киногруппы М.Лозинского произошло то, чего я не мог себе представить даже во сне. Напомню, что во времена Брежнева известный правозащитник Анатолий Щаранский был назван изменником Родины и осужден на длительный срок лагерей только за встречи с иностранным корреспондентом. Вообразите же мое состояние, когда поздним вечером в дверь моей квартиры позвонили ни больше ни меньше, как генеральный консул Республики Польша в СССР Михал Журавский и журналистка Кристина Курчаб-Редлих. Помню, у меня чуть не подкосились ноги: я уже видел себя в наручниках в Лефертовском следственном изоляторе КГБ, а моих гостей выдворенными из страны в 24 часа, как «*persona non grata*» или того хуже... как шпионы.

Как сейчас помню: из неосвещенного, темного (лампочки постоянно выкручивались, так как были страшным дефицитом) и, мягко говоря, грязного подъезда на меня с интересом смотрели мужчина и женщина, приветливо улыбаясь. Женщина (Кристина Курчаб-Редлих) смело зашла в квартиру, как к себе домой. Генеральный консул, стесняясь и виновато улыбаясь, пошел за ней. Из соседней двери высунула голову любопытная соседка. Вот и свидетель готовый, мелькнуло у меня в голове. Соседка тоже приветливо улыбалась, уловив иностранный акцент. «Может, им, сотрудникам КГБ, положено с иностранцами встречаться», —

думала, наверное, соседка, прикладывая ухо к нашей замочной скважине. Кристина смело прошла в комнату и села в кресло, жена моя, парализованная увиденным, спряталась в другую комнату, а дочь Лариса пошла ставить чайник и подавать печенье (холодильник, как всегда, был пустой).

Меня просто ошарашила их смелость: ночью, без приглашения, прийти в квартиру майора КГБ. При такой их явной отваге и риске мне было стыдно показать свою трусость. Я понял, что надо переходить Рубикон, но собирался передать им только то, что уже отдал в газеты и на радио (Смоленское). Однако я недооценил их. М.Журавский приложил весь свой журналистский талант и темперамент. В результате я отдал им даже свой дневник расследования катынского преступления и еще неопубликованные материалы. Теперь польская сторона располагала данными о свидетелях и могла официально требовать скорейшего их допроса и возбуждения уголовного дела Генеральной прокуратурой СССР. Так Польша впервые узнала, что еще живы свидетели и участники зверского преступления сталинизма против польских офицеров и других граждан.

Поговорив несколько часов и заверив меня, что теперь я под охраной польской общественности, они уехали. Только тогда я в полной мере осознал, как важна для поляков правда о катынском преступлении. Позднее, много позднее, я понял, как важна эта правда для всех — в т.ч. и для россиян. Русский народ должен строить свое будущее на фундаменте исторической правды, а не на песке лжи.

После их исторического визита я уже ничему не удивлялся — ни встречам с польским послом в СССР С.Цёсеком и генеральным прокурором Польши, ни телефонному разговору с легендарным Яцеком Куронем, ни встрече с тогдашним президентом Лехом Валенсой.

ПОЛЯКИ КАЗАХСТАНА

Нынешний год имеет для отношений Казахстана и Польши особое значение. Это год семидесятилетия печальной вехи в истории польского народа — высылки этнических поляков с Украины в Казахстан.

История поляков в Казахстане насчитывает столетия и имеет глубокие корни и традиции. Архивные летописи свидетельствуют, что еще в 1246 г. польский путешественник и монах Бенедикт вместе с итальянцем Джованни Карпини в ходе путешествия в Монгольскую империю посетил Центральную Азию и прошел с экспедицией по территории современного Казахстана. По мнению историков, это было первое посещение Великой степи европейцами, которое состоялось на 25 лет раньше знаменитого путешествия Марко Поло. Бенедикт и Карпини оставили потомкам много ценных исторических записей, свидетельствующих о традициях, обычаях и образе жизни кочевых народов Центральной Азии — предков современных казахов.

В 30-е годы XIX века на территорию Казахстана из царской России ссылали политических противников самодержавия, борцов за свободу, среди которых было немало поляков. Многие из них, такие, как Адольф Янушкевич, Густав Зелинский и Бронислав Залеский, посвятили Казахстану свою жизнь и творчество, оставили заметный след в казахской истории и культуре. Друг Мицкевича, увековеченный им в 3 й части «Дзядов», Адольф Янушкевич хорошо знал казахский язык и обычаи казахов. В течение восемнадцати лет он собирал казахские песни, легенды и поверья и опубликовал их в своих «Дневниках и письмах из путешествий по киргизским степям» в Париже в 1861 году. Густав Зелинский в знаменитой поэме «Киргиз» воспел образы казахской степи. Стоит напомнить хотя бы описание похода степняков, которым начинается шестая часть поэмы:

...Подан знак — и аулы сняты,

Забрано имущество — юрты свернуты

И сложены на двухколесные телеги...

Медленно тронулись тяжелые обозы,

Степь оживает, пестреет и населяется...

(Пер. подстрочный)

В начале XX века музыкальный критик Александр Затаевич, поляк по происхождению, переехал в Оренбург, бывший тогда главным городом Казахстана. Здесь он впервые познакомился с казахским музыкальным творчеством, и эти мелодии настолько его поразили, что он стал записывать песни. Он собрал и издал более 2300 песен и мелодий степных акынов и инструменталистов. Никто ни до него, ни после не смог провести такую титаническую работу — собрать и записать музыкальное достояние целого народа. При этом А.Затаевич использовал собственную методику записи, которая позволяла передать не только нотное изображение произведений, но и вдохновение, настроение той или иной песни. К его уникальной коллекции обращались многие композиторы, этому собранию до сих пор нет равных.

В 1936 г. в ходе сталинских репрессий на Украине были ликвидированы польские национальные районы и принято решение о переселении польских и немецких хозяйств из пограничных областей СССР в Казахстан, для чего была создана специальная комиссия по высылке. Контингент переселяемых составил 15 тысяч польских и немецких хозяйств из Винницкой и Киевской областей Украины, где преимущественно проживали поляки. Общая численность высланных только с Украины составила около 70 тысяч человек. Второй период депортаций пришелся на 1939 год. В целом, по разным оценкам, из западного региона СССР в казахстанские степи было выслано около 190 тыс. человек. Основанием для применения репрессивных мер служили подозрение в «неблагонадежности» или наличие родственников в Польше, стандартным было обвинение в сотрудничестве с польской разведкой. Высылаемым разрешалось брать с собой лишь одежду, белье, обувь, постельные принадлежности, часть посуды (ножи, вилки, ложки, чайники, ведра), продовольствие на месяц, хозяйственный бытовой инструмент — всего не более 500 кг на семью. На сборы отводилось не больше двух часов. Операции по высылке обычно проводились на рассвете, чтобы избежать «ненужной шумихи и паники». Железнодорожные станции оцеплялись конвойными войсками, которые сопровождали эшелоны из 55 вагонов по 25–30 человек в каждом.

Следует отметить, что во многих случаях жизнь поляков, прибывших в Казахстан, зависела от принимавших их местных жителей. Несмотря на жестокое отношение властей, простые

казахи относились к высланным полякам без всякой ненависти, делились с ними последним. Так, заместитель заведующего сельхозотделом ЦК ВКП(б) Ицков с тревогой сообщал секретарю ЦК Андрееву о том, что в одном из колхозов Кустанайской области Казахской ССР «ссылным устроили такую радушную встречу, что отдали им дневной удой молока с фермы, так что даже дети колхозников в детплощадке остались без молока». В местах прибытия поляков были образованы населенные пункты и села. Так, в 1936 г. было образовано село Озерное Тайыншинского района Северо-Казахстанской области. В 1941 г. рядом с селом в результате осадков и стока вод образовалось озеро, в котором появилось много рыбы. Эта рыба была единственным продуктом питания и в войну спасла людей от голода. Во время войны в Казахстан прибывало эвакуированное население, высылали целые народы, а из Казахстана на фронт мобилизовали людские ресурсы. Именно в Казахстане в годы II Мировой войны была сформирована армия генерала Владислава Андерса, впоследствии национального героя Польши, принимавшего участие в освобождении от гитлеровцев сначала Италии, а затем Бельгии и Голландии.

В суровое военное лихолетье поляки сохраняли свою духовность и культуру. В Казахстане известный польский поэт-футурист Александр Ват написал свое знаменитое стихотворение «Ивы в Алма-Ате» и другие произведения. Поэт Ян Гуца написал в Казахстане поэтический цикл, опубликованный позднее Ярославом Ивашкевичем и Земовитом Федецким в журнале «Творчество». Как известно, до 1989 г. об арестах и высылках поляков в ПНР писать запрещалось, но в стихах Я.Гуцы и не было этого слова — были казахские пейзажи, беседы с казахами у костра, выражение общей боли и страданий двух народов...

Послевоенное положение поляков, как и спецпереселенцев многих других национальностей, определялось постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев», которое ограничивало не только свободу передвижения, но и возможности получения образования, работы и т.д. Только в 1956 г. поляки были сняты с учета спецпоселения. К этому времени поляки уже заняли определенное место в сложившейся хозяйственно-производственной системе в местах их компактного расселения. В 60-е годы XX века они сыграли большую роль в освоении целины. Например, в Кокчетавской области среди руководителей районного звена (председателей колхозов, работников местных органов власти и т.д.) значительную часть составляли поляки. Будучи носителями традиционной

польской культуры, они и стали основой современной польской диаспоры в Казахстане.

Ныне, по данным статических органов, в Казахстане проживает около 50 тысяч поляков. При этом исследователи полагают, что казахстанских поляков, записанных в советские годы украинцами или русскими, гораздо больше — около 100 тысяч. Судьба разбросала их по разным уголкам страны. Самые большие компактные поселения поляков расположены в Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Акмолинской, Карагандинской и Алматинской областях. Вместе с казахским народом им пришлось пережить тяжелые времена репрессий и национального угнетения. Несмотря на суровые жизненные испытания, большинство поляков сохранило национальные традиции, сумело передать новому поколению любовь к родной песне, танцам, культуре.

Казахстанские поляки принимают активное участие в общественно-политической жизни Казахстана, среди них есть известные юристы, ученые и бизнесмены. Они поддерживают и укрепляют связи со своей исторической родиной. Председателем Союза поляков Казахстана избран известный общественный деятель профессор Ян Зинкевич, который многое сделал для сохранения национальных традиций и культуры поляков в Казахстане. Во многом благодаря его усилиям ныне в стране действует пять польских обществ, которые занимаются вопросами национального и культурного возрождения. В Северном Казахстане уже несколько лет ведется спутниковое вещание телеканала «Полония». По договоренности между министерствами образования наших стран, в Казахстане работают преподаватели из Польши. Ежегодно дети и студенты, активно изучающие польский язык, едут отдыхать в Польшу. Около 600 студентов из Казахстана обучаются в высших учебных заведениях на своей исторической родине.

Визит великого поляка — Папы Иоанна Павла II в Казахстан в 2001 г. дал мощный импульс укреплению католической Церкви. Сегодня в столице и других городах Казахстана построены костелы и соборы, а в Астане регулярно проводятся съезды католиков стран Азии. Предмет нашей общей памяти и наших молитв — находящиеся на польской земле могилы советских солдат-казахов, которые погибли в борьбе с фашизмом, и могилы солдат армии генерала Андерса и многих поляков из числа репрессированных, покоящихся в казахской земле.

Сегодня Казахстан проводит открытую политику по отношению к национальным меньшинствам, которая

учитывает интересы всех национальных групп с полным соблюдением их прав в соответствии с международными стандартами. Эти принципы содержатся в базовых двусторонних документах, подписанных между Казахстаном и Польшей. Как известно, в январе 2001 года Польша объявила о репатриации поляков. Однако мы не ожидаем массового выезда поляков из Казахстана. По мнению председателя общества «Полония» В.Стельмаховского, процесс репатриации этнических поляков из Казахстана в последние годы сократился до минимума, чему способствовало повышение уровня жизни в Казахстане, и даже наметился процесс реэмиграции.

Наличие многотысячной польской диаспоры в Казахстане, общность исторических судеб наших народов, а также тесные духовные, культурные и гуманитарные связи — вот основополагающие элементы казахстанско-польских отношений, залог их дальнейшего развития. Хороший задел в казахстанско-польских отношениях, а также сходство интересов в области межрегионального сотрудничества могут придать импульс укреплению взаимопонимания и расширению взаимодействия между Казахстаном и Польшей, а в долгосрочной перспективе — через Варшаву — и Евросоюзом. Наследие польского монаха Бенедикта, открывшего Казахстан европейцам, не должно быть утрачено.

Алексей Волков — чрезвычайный и полномочный посол Казахстана в Польше.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Давно уже в Польше не отмечали с таким размахом ничей юбилей. 80 летие Анджея Вайды превратилось во всенародное празднество. Накануне варшавских торжеств Вайда получил на Берлинском международном кинофестивале «Золотого медведя» за творчество в целом. Вручавший премию директор фестиваля сказал: «Сегодня мы вручаем «Золотого медведя» великому мастеру, который не только снимает фильмы, но и творит историю». Сам же Вайда в интервью, данном Барбаре Холлендер, признался: «В начале своей режиссерской карьеры я верил, что кино может быть чем-то большим, чем удовольствие, развлечение и даже искусство. Я думал, что оно может менять мир и преображать человеческое сознание». Зрители сочли лучшим фильмом Вайды «Землю обетованную». Следующие места заняли «Человек из мрамора», «Пепел и алмаз», «Канал» и «Барышни из Вилька».

• Фильм, который снимает в Варшаве американка Мэри Скиннер, должен был появиться уже давно. Его героиня — 96 летняя Ирена Сандлер, спасавшая во время войны еврейских детей из варшавского гетто. Она спасла в два раза больше людей, чем Оскар Шиндлер... «В США есть несколько тысяч работ о Катастрофе, но только одна о «Жеготе» [кодовое название Совета помощи евреям при подпольной делегатуре правительства в изгнании (1940-1945)], — говорит автор фильма. — За пределами Польши люди не понимают, что поляки противостояли нацистам, рисковали жизнью».

• Присуждены «Польские орлы» — ежегодные кинопремии, называемые иногда «польскими Оскарами». В этом году решения жюри были довольно монотонными: почти во всех категориях «Орлы» достались уже награжденному в прошлом году на кинофестивале в Гдыне фильму Феликса Фалька «Судебный исполнитель». На сцену выходили по очереди сам Фальк, лауреаты премий за лучшие главные роли Кинга Прейсс и Анджей Хыра и наконец продюсер Януш Моргенштерн. Главным проигравшим оказался Кшиштоф Занусси со своим фильмом «Персона нон грата».

• В этом году исполнилось 10 лет со дня смерти Кшиштофа Кеслёвского («Любитель», «Три цвета», «Декалог»). В связи с

этим польские телеканалы посвятили много места его творчеству, показав уже давно не демонстрировавшиеся ранние документальные фильмы режиссера и множество фильмов, которые долгие годы лежали на полках цензуры. «Быть может, все творчество Кеслёвского заключалось в очищении жизни от мифов и в то же время было попыткой создать совершенно иной миф, выстроить для нужд фильма собственное представление о вере, Боге, любви, свободной воле», — написал Павел Т. Фелис. Тем временем на экраны кинотеатров вышел фильм «Ад», снятый по написанному еще для Кеслёвского сценарию Кшиштофа Песевича.

- В Варшаве на 91 м году жизни скончалась замечательная актриса Ханка Белицкая. Она выступала на сцене почти до самого конца. «Пани Ханка, спасибо Вам за улыбку и сердце. Теперь на небесах будет весело, когда Вы начнете читать свой вечный монолог», — написал один из поклонников ее творчества на форуме «Газеты выборчей». Ханка Белицкая сыграла несколько ролей в польских комедиях («Кафе под Миногой», «Брак по расчету»), выступала на прославленных театральных подмостках (в варшавском Современном театре), но прежде всего была эстрадной актрисой, которая со своими историями из городского фольклора объездила чуть ли не весь мир, неизменно вызывая искренний энтузиазм поляков.

- Под художественным руководством Гжегожа Яжины бывший варшавский театр «Розмаитости» («Всякая всячина»), ныне избравший себе логотип TR, стал сценой интересной, будоражащей умы и привлекающей преимущественно молодую публику. Связанные с ним режиссеры (Варликовский, Цепляк и сам Яжина) пользуются успехом в мире — их приглашают в самые видные театры. В этом году TR, который последние два года работал под девизом «Территория Варшава» (желая тем самым доказать, что спектакли можно играть в любом месте метрополии), расширяет свою деятельность. Новый логотип будет представлять собой надпись TR/PL и польского орла с оторванной головой и хлещущей кровью вместо короны. «Мы хотим посмотреть, что у орла внутри (...) После вступления в Евросоюз мы расправили крылья. Время сейчас исключительное, и театр тоже должен быть исключительным (...) Пришла пора понять и обдумать то, что произошло в 90 е, описать смену самосознания. Пространство вокруг нас расширяется. Надо развивать новые темы», — написали в своем манифесте режиссеры и артисты театра. Тем временем TR наладил сотрудничество с авторами самых шумевших в последние годы дебютов (такими, как Дорота Масловская, Михал Витковский, Славомир Схуты и др.),

которые пишут для него специально заказанные пьесы. Кроме того, у театра есть шанс получить вторую сцену (первая ломится от зрителей) в варшавской Праге — в популярном частном центре «Фабрика тростника», где у него появится возможность обратиться к совершенно новой публике. Сам Яжина комментирует свои последние начинания так: «Нам не все равно, где жить и работать. Мы хотим превратить TR в дом польской драматургии, но так, чтобы при этом наше отношение к нему было не идолопоклонническим, а критическим. Только тогда орел сможет обрести свою голову».

- Между тем живущий в Кракове Кристиан Люпа возвращается к работе в Варшаве, где ставит спектакль австрийского драматурга Томаса Бернхарда «Горные вершины спят во тьме ночной». В одном из интервью Люпа сказал: «Довольно долго я боялся Варшавы. Она угнетала меня (...) Кроме того (...) после наших политических перемен Варшава (...) не могла прийти в себя, была городом хаотическим и особенно неприятным (...) От нее веяло пустотой. И лишь в последнее время я с радостью замечая, что что-то меняется, что-то появляется и формируется (...) Я размышляю о потенциале этого города. Я чувствую, что этот город чего-то ждет. И в то же время я опасаясь, как бы наша нынешняя политическая ситуация все это, грубо говоря, не раздолбала».

- Еще один частный театр одного актера создается в варшавском Муранове. Организует его Эмилиан Каминский в подвале старого жилого дома начала прошлого века (сейчас этот период пользуется особой популярностью), от которого театр и получил свое название — «Старый дом». Каминский будет ставить прежде всего монодрамы и небольшие музыкальные спектакли. Публика надеется, что найдет в его театре атмосферу многократно описанных, хотя и неизвестных у нас парижских кабаре.

- Тем временем в театре «Полония» Кристины Янды фурор произвела новая премьера. В спектакле по роману украинской писательницы Оксаны Забужко «Полевые исследования украинского секса» бывшая секс-бомба польского кино Катажина Фигура показала себя великолепной, полной экспрессии актрисой, почти сравнявшейся с Яндой по выразительной силе и, пожалуй, еще более хищной. «В комбинации, кошмарных очках и растянутом свитере она читает абсурдную лекцию о собственной сексуальности и тут же прерывает ее молитвой на ступенях алтаря», — написала Иоанна Деркачов. А театр «Полония», который до сих пор

ремонтируется, обретает все более сильную позицию среди варшавских сцен.

- Прошедший в пражской «Фабрике тростника» очередной, пятый по счету фестиваль «Варшавский джазовый андеграунд» был на редкость удачным. «В художественном отношении 5 й фестиваль был на пятерку, — пишет Лукаш Каминский. — С публикой было немного хуже, чем в прошлом году, но 950 человек — это и так результат, которому могут позавидовать не только авангардные, но и коммерческие мероприятия». А многие другие городские и общественные начинания могут позавидовать изобретательности «Фабрики тростника».

- В этом году в программу ежегодного вроцлавского фестиваля «Musica Polonica Nova» вошли 24 концерта, в рамках которых были впервые исполнены 28 сочинений. Наряду с сочинениями молодых польских композиторов в их числе оказались также творения классиков современности (Лютославского, Пендерецкого, Гурецкого). Самой большой неожиданностью стали премьеры целых пяти камерных опер — в т.ч. не исполнявшейся уже 40 лет «Хагит» Кароля Шимановского и документальной оперы Тадеуша Велецкого «Заседания «круглого стола»».

- Самым интересным польским книжным дебютом с момента появления Дороты Масловской критика признала роман Миколая Лозинского «Reisefieber». «Проза Лозинского — приглушенная и (...) камерная, — пишет Рышард Осташевский. — В ней нет спорных тем с первых страниц газет и стилистической экстравагантности. Автор показывает (...) сменяющие друг друга картины семейной драмы, сосредотачиваясь на переживаниях и эмоциях героев, тонко прорисовывая психологические портреты». Фабульный стержень романа — приключения живущего в США шведа, который, узнав о смерти матери, едет в Париж, где провел детство, чтобы привести в порядок свои дела.

- Ежи Фицовский получил премию им. Станислава Реймонта, присуждаемую Союзом польского ремесла. Последний сборник его стихов называется «Пантарейя», что очевидным образом относит читателя к гераклитовскому утверждению: «Все течет». Януш Джевуцкий пишет: «Ежи Фицовский напоминает нам о том, что мы вроде бы знаем, но о чем не думаем и не хотим думать, ибо — как нам кажется — у нас нет на это времени». И далее: «О том, что такое уходящее время, Фицовский (...) знает более чем достаточно. Автор «Письма Марку Шагалу» и «Прочтения пепла», а также издатель произведений Бруно Шульца, (...) редактор народной поэзии

польских евреев и автор книг о польских цыганах, с которыми история обошлась крайне жестоко, не раз и не два терпеливо напоминает нам слова Библии: «Проходит образ мира сего»». Премия присуждена также Томашу Лубенскому за книгу «Всё в семье».

- На первое место в списке бестселлеров триумфально вернулась Иоанна Хмелевская со своей новой книгой «Бледная спирохета» — детективным романом, действие которого разворачивается на фоне скачек (похоже, что сама Хмелевская тоже ими увлекается). На втором месте — «Лягушка» Малгожаты Мусерович, а на третьем неожиданно вышел роман «Объехать Париж» — вторая книга скульптора и прозаика Малгожаты Варды, описывающая историю четырех молодых женщин в Польше времен преобразований. Рецензент пишет, что пожилых людей вроде него «может несколько удивить фривольное отношение к такой ценности, каковой является (а скорее была) партнерская верность». Стоит также отметить присутствие в первой десятке бестселлеров сборника недавно умершего о. Яна Твардовского «Пробуждать надежду. Азбука девяностолетнего» и «Двоеточия» Виславы Шимборской. В категории документальной литературы небывалым успехом пользуется книга Павла Зухневича «Чудеса Иоанна Павла II», описывающая чудесные события, которые могли бы послужить основанием для канонизации умершего год назад Папы.

- Упоминания заслуживает и первое польское издание книги Сигизмунда Кржижановского, писавшего по-русски поляка, чье творчество было открыто лишь после 1990 г. и вызвало сенсацию. Вышедший по-польски роман называется «Возвращение Мюнхгаузена». Как пишет Дариуш Новицкий, его герой, знаменитый враль, сошедший со страниц старой немецкой книги и оказавшийся в Европе 20-х годов, «быстро гаснет и умирает, то есть возвращается в старую книгу, из которой он на минуту вышел. Мир настолько погряз во лжи, что не нуждается даже в самом изобретательном лгуна. Да и сама действительность настолько абсурдна, что не нужно ничего выдумывать — достаточно лишь ее (действительность) цитировать». Кржижановский, писавший в стол, работал над этим романом в 1927–1928 годах. Тогда у него не было ни малейшего шанса опубликовать свое сочинение.

- В польской публичной жизни 8 марта уже давно перестало быть просто Женским днем. Во многих польских городах в этот день проходят «манифы», марши феминисток. В этом году демонстрантки несли фиолетовые шарики с головами Леха и Ярослава Качинских, а на транспарантах были изображены

желтые утки [напомним, что утка по-польски — качка]. «Нам не нравятся планы польского правительства, вытесняющие женщин из публичной жизни», — заявила одна из организаторш краковского марша. Популярностью пользовался и лозунг, высмеивающий инициативу создания Национального института воспитания: «Политики, оставьте детей в покое! Следите за собственным воспитанием!»

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Оборачиваясь назад, я вдруг замечаю, что из этих моих «выписок» можно составить довольно толстую книжку; если бы я вздумал ее издавать (чего наверняка не произойдет), то охотно назвал бы ее «Польша для русских». Просматривая польскую периодику, я давно уже нацелен вполне определенно: извлекать то, что могло бы заинтересовать русского читателя, привлечь его внимание к Польше. Причем в подборе тем и цитат я руководствуюсь скорее интуицией, нежели знанием читателей. Я же вас, мои дорогие, почти совсем не знаю. Но в то же время я стараюсь к вам обращаться, отвергая расхожие стереотипы — как о врожденной враждебности русских к полякам, так и о «непостижимых глубинах русской души». Тут мне близок подход Ежи Помяновского, который в интервью, опубликованном в последнем номере «Одры» (2006, №3) и озаглавленном «Отложения в памяти», говорит: «Мы лелеем некий стереотип русского интеллигента, в который якобы входит особая духовная инаковость, а я весьма подозрительно отношусь к таким понятиям, как неизменный национальный характер, русская — по-прежнему не разгаданная — душа и т.п.». Вот бы пригодился этаким словарик «Сто стереотипов» — польско-русских и русско-польских, — где ученые мужи и столь же ученые дамы в коротких эссе истолковывали бы и переистолковывали существующие клише. Много лет назад вышел подобный словарик польско-немецких и немецко-польских стереотипов — книжка интересная и полезная.

Тем полезнее такие тексты, если учесть, что стереотипы — часто употребляемые сознательно — иногда оказывают влияние на политические споры. Об этом, в частности, пишет в том же номере вроцлавского журнала Анджей Йонас в статье «Польша — Россия — Евросоюз. Сложный вопрос»:

«Разговоры, которые я вел в Москве несколько месяцев назад, только усложнили картину. Собственно, они лишь привели меня к тому же мнению, которое выражает польский министр иностранных дел Стефан Меллер: «Когда я встречаю человека, который говорит, что понимает Россию, то обхожу его стороной». Это, конечно, не означает, что умом Россию не

понять. Просто, как чуть ли не по каждому поводу любят говорить русские, это сложный вопрос».

Далее, пересказывая разговор с одним из своих русских знакомых (и не раскрывая его имени: «Это мнение одного из российских экспертов, имени которого я не приведу, так как до сих пор не убедился, что иметь свое мнение, критическое или попросту иное, нежели у власти, стало в России совершенно безопасно»), Йонас цитирует его:

«Если говорить о Польше (...) то русские, а также Кремль убеждены, что ваша черта — антироссийская настроенность. А значит, чтобы уменьшить потери, которые поляки могут нанести российским интересам в Европе, следует минимализировать влияние Варшавы в Евросоюзе».

Приводит он и слова еще одного москвича:

«Да и что такого Польша внесла в ЕС, чтобы желать оказывать влияние на его внешнюю политику? — сказал мне другой эксперт, занимающий влиятельный пост в академических и политических кругах. — Вы считаете русских оккупантами, а ведь не поспоришь с тем, что наши солдаты освободили вас от фашистов. А как только закончилась холодная война, вы добровольно отдали свой суверенитет НАТО и Евросоюзу».

С этим освобождением от «фашистов» у меня проблемы — из-за языковой путаницы, которая здесь появляется. После войны коммунисты, которые старались внушить, что «коммунизм» и «социализм» — синонимы (особенно этот вопрос был важен в Польше, так как польские социалистические традиции, представленные Эдвардом Абрамовским и его окружением, фальсифицировались или просто замалчивались), одновременно, как черт свяченой воды, избегали правильно называть гитлеровскую систему национал-социалистической, так как это могло бы вызвать опасные ассоциации. Я их даже понимаю, но стараюсь избегать этой языковой манипуляции. В результате, как я понимаю те времена, советская армия, правда, освободила нас от национал-социализма, но вместо этого ввела коммунизм под названием социализма. Кто-нибудь когда-нибудь должен навести порядок в этой языковой неразберихе, а то сегодня у школьников все в голове перепутано. И, может быть, стоит этим детям — в том числе и в России — время от времени напоминать, что именно поляки, прежде чем вновь «потерять свою независимость», связавшись — кстати, добровольно, по своей просьбе, — с НАТО и Евросоюзом, сумели начать демонтаж коммунизма, и не только для себя. И действительно: не нужно стульев ломать,

чтобы констатировать, что Лех Валенса — герой [по-русски в тексте]. Но вернусь к тексту Йонаса:

«Каково состояние и каково будущее отношений между поляками и русскими и между Польшей и Россией? Проще всего было бы написать, что отношения плохие и виновата в этом российская сторона. Примеров сколько хочешь. Нефтяные игры, которые в Варшаве воспринимаются как стремление подчинить себе польский энергетический сектор. Проект северного российско-немецкого газопровода, оцениваемый в Польше как шаг, направленный против польских экономических интересов. Ограничения в торговле сельскохозяйственной продукцией, унижение во время празднования годовщины окончания II Мировой войны. Вдобавок трудности на пути катынского следствия, вновь и вновь появляющаяся в официальных выступлениях давно разъясненная историческая клевета».

Вслед за этим перечнем Йонас ссылается на довольно приятные слова президента Путина, сказанные польской журналистке:

«Появились проявления уважения и признания достижений и роли Польши в Европе, а также уверенность в близости, вытекающей из факта принадлежности к одной и той же славянской семье. Другое дело, что славянство иначе понимают в Польше, а иначе — в России, но факт остается фактом. Так что же, наступили ли какие-то изменения в позиции Москвы? (...) Ответ на этот вопрос могут дать только конкретные факты, но было бы ошибкой пренебречь тональностью, появившейся в высказывании президента».

При этом, по мнению Йонаса, важно не упустить две тенденции:

«Наблюдая отношение России к Польше, трудно не заметить, что чем больше [в России] побеждает курс на сильную центральную власть, тем это отношение хуже. Сила российского государства сегодня вынуждена гораздо больше питаться эмоциями, нежели материей, и большее, чем прежде, значение приобретают факторы психологического порядка. Поэтому образ великодержавности обращается к отзвучавшим стереотипам, среди которых неблагоприятная Польша и презируемые Россией поляки занимают почетное место. А лечение постимперских комплексов неизбежно вызывает стремление унижать других. С этой точки зрения равноправные партнеры России — только государства «большой семерки», самые крупные и сильные на земном шаре. Партнером может быть также НАТО или Евросоюз, но не

такие середнячки и мелкота, как Польша или прибалтийские республики. Россия открывающаяся, демократизирующаяся — это не та Россия, которая сосредотачивается вокруг власти. После ельцинской фазы Россия вошла в путинскую, совсем другую. Борис Ельцин не умел или не хотел обращаться к старой модели. Владимир Путин делает это, похоже, с полной убежденностью и успешно».

Но во всем этом есть новые элементы, вытекающие из необходимости сосуществования и взаимодействия на международной арене:

«В сфере политики, особенно политики безопасности, Россия уже давно оставила откровенно антагонистические по отношению к Западу позиции и, поняв многие вызовы современности, стала его союзником. Нет сомнения, что в отношениях Запада с Россией мы имеем дело со многими путями, по которым движение идет в обоих направлениях. Так происходит в отношениях с Россией Запада, а значит, и Польши. Мы в Польше твердо знаем, что наше государство стало частью западного мира — разумеется, по современным критериям, а не по тем, которые уцелели со времен холодной войны. Знают это и наши западные партнеры, хотя приходится признать, что это знание нелегко прокладывало себе путь в их сознание. Следующий шаг — укрепить этот факт в сознании русских и России. Это наверняка нелегкая задача, так как исторический опыт и прочные стереотипы подсовывают другой образ. Быть может, в глазах России Польша в последний раз составляла часть Запада в эпоху наполеоновских войн, а для более просвещенных русских — в межвоенное двадцатилетие. Иллюзии в политике весьма опасны. Если в России бытует иллюзия, согласно которой Польша не принадлежит к Западу, то многие шаги России по отношению к Польше находят объяснение. Но ничего не поделаешь: политические карты тем отличаются от физических, что подвергаются изменениям. И то, что Польша — западное государство, это не манифест и не грезы, а политический и материальный факт. Со всеми его последствиями. В том числе и тем, что на Запад ложится задача помочь России принять это к сведению».

И вот, в то самое время, когда я выписывал цитаты из статьи Йонаса, возникла новая заваруха, то есть ответ российской Главной военной прокуратуры на ходатайства по катынскому делу. Этому, в частности, посвящена статья Анджея Качинского и Яна Ордынского в газете «Жечпосполита» (2006, №54). В статье говорится:

«Главная военная прокуратура Российской Федерации еще 18 января приняла решение по индивидуальному ходатайству польских гражданок, родственниц одного из погибших в Катыни. Однако она указала, что это решение действительно также в отношении ходатайств всех лиц, которые обратились в ГВП с тем, чтобы катынские жертвы были охвачены предписаниями закона 1991 года о «реабилитации жертв политических репрессий». Польское посольство в Москве зарегистрировало несколько десятков таких ходатайств. (...) В обосновании, с текстом которого мы смогли ознакомиться в пятницу [3 марта], говорится, что закон 1991 г. относится только к реабилитации жертв политических репрессий, осужденных на основе Уголовного кодекса. А убитых в Катыни судили вне его рамок. «...в ходе предварительного следствия по указанному уголовному делу, к сожалению, не было установлено, на основании какой статьи Уголовного кодекса РФ (в редакции 1926 г.) были привлечены к уголовной ответственности указанные лица, так как документы были уничтожены» — так звучит окончательное заключение ГВП. «Жечпосполита» обратилась к экспертам.

Проф. Войцех Матерский, историк, Польская АН: «В деле Катыни российская прокуратура не автономна. Это решение не могло быть принято без ведома президента Путина. И от него (или его преемника) зависит, изменит ли Россия правовую оценку этого преступления и когда».

Проф. Витольд Кулеша, Институт национальной памяти: «Это решение показывает важность польского следствия. Позиция российской прокуратуры не может остаться единственной правовой оценкой, сформулированной по этому делу».

Божена Лоек, «Катынская семья»: «На Нюрнбергском процессе советский прокурор доказывал, что катынское убийство было преступлением геноцида, до тех пор, пока рассчитывал, что вину удастся свалить на немцев. Таким образом, уже тогда было признано, что это политическое преступление».

Так говорят эксперты, а авторы комментируют:

«5 марта 1940 г. Сталин и члены политбюро ЦК ВКП(б) подписали решение, в котором поручили органам НКВД приговорить польских граждан — 14 700 военнопленных и 11 тысяч заключенных в тюрьмах Белоруссии и Украины — к высшей мере наказания. Так называемые тройки, особые совещания НКВД, рассматривали их дела в особом порядке, без вызова арестованных, без предъявления им обвинений, без обвинительных заключений. В том же документе Сталин и его

сотрудники определили поляков, подлежащих расстрелу, как «закоренелых, неисправимых врагов советской власти», а в другом месте того же решения сказано, что все они враги советской власти, полные ненависти к советскому строю».

И, наконец, мнение Анджея Пшевозника:

«Позиция России во вопросу о катынском преступлении за последние годы прошла знаменательную эволюцию. Началось с миссии Рудольфа Пихои, начальника государственного архива, который 14 октября 1992 г. по поручению президента Бориса Ельцина передал президенту Леху Валенсе документы относительно катынского преступления. Среди них был протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. (...) Передачу этих документов я считаю важнейшим решением российской стороны, принятым за все минувшие годы по катынскому делу. Потом наступили недвусмысленные заявления президента Ельцина об ответственности за это преступление. Было решение о начале следствия Главной военной прокуратурой, и первые несколько лет оно велось без всяких помех. В это же время шли переговоры о строительстве кладбищ, завершившиеся в 2000 г. открытием некрополей в Катыни и Медном. После этих событий воцарилось молчание, прерванное 21 сентября 2004 г. решением о закрытии дела, следствие по которому продолжалось 13 лет».

Теперь с момента начала следствия прошло уже 15 лет, и вот перед нами новая фаза эволюции отношения российских властей к этому преступлению. При этом нельзя забывать, что решения, принятые по катынскому делу Горбачевым и Ельциным, натолкнулись в России на сопротивление таких национал-большевиков (кстати о терминологии), как господина Мухин и Куняев, автор несомненно очаровательной книжки «Шляхта и мы», единственная цель которой — науськивать русских на поляков. Что, впрочем, неудивительно при непрекращающихся нападках Куняева на «Новую Польшу».

В конце концов не секрет, что еще Хрущев хотел раскрыть катынское дело, но, по слухам, его отговорили от этого польские коммунисты. Очевидно, что полное раскрытие катынского дела — в интересах как Польши, так и России. Очевидно также, что Польша не может пойти ни на какие «уступки», потому что уступать нечего. И когда я об этом размышляю, то вижу два осмысленных объяснения поведения российских властей. Либо они хотят ради каких-то неясных политических целей «отложить на потом» полное раскрытие катынского дела, то есть еще какое-то время эту карту «разыгрывать», либо — и это кажется мне более вероятным —

боятся, что «победа» поляков в этом вопросе повлекла бы за собой целую лавину подобных дел. Одно не подлежит сомнению: пока всё не будет названо по имени, катынское дело будет вызывать эмоции, скорее не способствующие нормализации польско-российских отношений. Но когда-то придется всё назвать по имени — и чем позже, тем хуже для всех. Я не сомневаюсь, что тогда в российском УК появится преступление «катынская ложь», преследуемое в судебном порядке, как преследуется в Германии «освенцимская ложь».

Примечание Натальи Горбаневской:

Российский закон о реабилитации отнюдь не ограничивает понятие «жертвы политических репрессий» жертвами статей УК РСФСР. Сама ГВП проговаривается, указывая, что «официальных решений судебных или несудебных органов о применении к погибшим репрессии по политическим мотивам, как того требует действующее реабилитационное законодательство, не имеется». Итак, согласно действующему законодательству, для признания человека жертвой репрессий статья не обязательна. С другой стороны, официальное — хоть и полвека засекреченное — решение несудебного органа, т.е. политбюро ЦК ВКП(б), имеется. То есть решение ГВП прямо противоречит действующему закону о реабилитации. Стоит добавить, что аналогичным образом Генеральная прокуратура РФ не признала жертвами политических репрессий членов расстрелянной царской семьи.